

16+

НАТАЛЬЯ САПУНКОВА

КОЛЬЦА ЛИНЫ

ЕДИНСТВЕННЫЙ ДРАКОН

Наталья Сапункова

Кольца Лины

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Сапункова Н.

Кольца Лины / Н. Сапункова — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Попасть в чужой мир оказалось так просто и неожиданно! И куда попала Лина? Да почти что в ад для современной девушки, не умеющей ни прясть, ни ткать, ни коров доить! Зато один странный парень почему-то её полюбил, непряху-неумеху. И пришлось выживать, приспособливаться... и даже замуж выйти! Зато она узнала о себе немало интересного... Роман по миру «Единственного дракона» тем не менее не является его продолжением. Хотя некоторые герои, и драконы тоже, появятся и тут, но как второстепенные персонажи.

Содержание

Глава 2. Замок Кер	18
Глава 3. Дин и Дана.	29
Глава 4. Сумасшедшие дни	42
Глава 5. Ответы на вопросы	52
Глава 6. На ферме	67
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Глава 1.

Terra Incognita

Я просто шла, споткнулась и упала. Шла на работу. Обо что споткнулась? Даже не поняла. Встала, огляделась и не увидела дороги. Как же так, ведь только что был какой-никакой асфальт, и я по нему шла!

Нет дороги, нет и нет! Деревья кругом. Толстые замшелые стволы. Где я?!

Все верно, дорога исчезла, ее не было ни впереди, ни позади. Кругом лес, на наш худосочный парк вовсе не похожий. Еще шаг – и коварная острая ветка порвала мне колготки. Я рассердилась – это же теперь в обеденный перерыв придется успевать за колготками... за двумя, одни сунуть в ящик стола – чтобы были. Вечером идем в кафе, потом гулять. На мне, конечно, «дресс-код», который Димка вечно вышучивает, строгая юбка чуть ниже колен, строгая белая блузка... с бантиком, льняной пиджак – мне уже жарко, но в офисе под кондиционером жить можно. А не прикупить ли уж заодно и длинное летнее платье из чего-нибудь немнущегося? Сразу после работы переоденусь, костюм – в ящик, и живем! Пятница ведь сегодня!

Эти мысли промелькнули и... Я снова огляделась.

Лес. Дороги нет.

Минут десять назад я, как частенько, свернула с оживленной улицы и двинулась по парку, чтобы срезать путь. Идти до выхода из парка оставалось тоже минут десять, не больше! Я в парке, в городском парке, вокруг меня – мой город, мои знакомые с детства улицы, мои ненавистные утренние пробки, моя жизнь, моя нормальная жизнь...

Вроде солнце выше, чем было только что – с чего бы это?

Так, где мой смартфон? Ага, вот. Он у меня маленький, хотя сейчас в моде «лопаты». Помещается в кармане пиджака. Быстро включаю навигатор. Что это? Нет связи со спутником? Димка мне столько раз объяснял, что связь есть всюду, на то и она «глонасс», то есть «глобальная система связи». Где она, глобальная?!

Просто связи, телефонной то есть, тоже нет.

Сумка? И сумка куда-то делась. Там кошелек, косметичка, журнал, документов нет, карточек тоже. Вроде ничего ценного не потеряла...

Не потеряла?! Да ведь я сама потерялась, найтись бы!

Может, мне плохо стало, и кто-то перенес меня в другое место?

Бред.

На всякий случай я огляделась – вдруг кто-нибудь со смехом покажется из ближайших кустов, и все разъяснится.

Смартфон заряжен доверху, светится, результат – никакой. Время, дата?..

Я вышла из дома сегодня сорок минут назад! Всего лишь!

Некоторое время я бродила кругами, боясь отойти вообще неведь куда, потом сидела, тупо уставившись в одну точку, потом плакала, потом снова прохаживалась, вспомнила, как определить в лесу, где север, определила, после чего опять сидела и теперь уже ревела белухой. Вот зачем мне знать, где север, если не знаю, куда идти? Может, мне на юг надо?

Нужно отыскать ручей, он, наверное, впадает в реку, та – в реку побольше, которая побольше – в совсем большую, а на берегах рек люди живут! Надо идти вниз по течению. Или вверх? Чушь какая, идти можно куда угодно, если точно не знаешь, где есть населенные пункты.

Можно сделать плот и плыть вниз по течению. Просто потому, что плыть – не идти.

Откуда я это знаю, из школьных уроков природоведения?

А кто тут умеет плоты строить?!

Я опять сидела и хлюпала носом, называя себя дурой, идиоткой, и еще по-всякому, потому что какой смысл реветь, надо же взять себя в руки и как-то действовать...

Как действовать?..

Надо воду найти. Вода – в низинках. Надо найти низкое место!

Скажу сразу, что никакую воду я не нашла, а приближение сумерек встретила, уныло шагая куда-то вперед и вяло размышляя о том, что надо бы поискать место для ночлега. И вдруг до моего слуха донесся собачий лай и протяжный возглас...

Я замерла и огляделась. Крупная лохматая собака показалась из-за кустов, подбежала и остановилась в паре шагов, замерла. Ко мне приближался какой-то мужчина с палкой наперевес.

Да какая разница, кто! Это был человек!

Я рассмеялась от облегчения.

– Ой, здравствуйте! Какое счастье, что я вас встретила!

Сейчас от отзовет собаку. Все, я спасена, я с людьми!

Молодой небритый парень смотрел на меня немного дикими глазами и палку из рук не выпускал.

– Здравствуйте, – повторила я. – Понимаете, я заблудилась. Вы не могли бы вывести меня к жилью? Вообще, что это за место?

Парень сказал что-то непонятное. Он иностранец? Или из какой-нибудь малой народности? Мысль, что я оказалась за границей, показалась слишком нелепой, хотя...

В моем нынешнем положении нелепым было все.

– Простите, – сказала я. – Вы можете говорить по-русски?

Он резко крикнул что-то и взмахнул палкой, определенно показывая мне направление, куда идти. И я подчинилась, на всякий случай добавив:

– А ду ю спик инглиш?

Смешно, да. Только никогда еще мне не было настолько не смешно.

Что за одежда на этом ненормальном? Не слишком чистые светлые холщовые штаны, такая же рубаха, поверх рубахи ремень со множеством пряжек, на ремне нож в кожаных ножнах, на ногах какие-то кожаные тапочки, а волосы стянуты сзади шнурком. Покрой вызывающе несовременный, напоминает какой-то национальный костюм. Во всяком случае, в наше время в обычной жизни никто так не одевается.

Он крикнул и махнул палкой, я ускорила шаг, споткнулась и еле удержалась на ногах, а собака залаяла. Ничего, главное, я больше не одна в лесу...

Деревья расступились, и мы оказались возле проселочной дороги. Недалеко стояли телеги, паслись стреноженные лошади, горел костерок, возле которого расположились люди. И пахло едой, запах этот просто с ума сводил. Но сначала – попить...

Нас окружили. Все – мужчины, все одеты в похожие костюмы, все смотрят на меня, словно я... кто? Диковинная зверюшка, непонятная и, возможно, опасная. Ну да, после дня блужданий по лесу в офисном костюмчике вид у меня, должно быть, тот еще. Но вряд ли такой уж удивительный...

Люди загалдели, хором, резко и недовольно, некоторые замахали руками. Кажется, и без перевода понятно – меня хотят прогнать обратно в лес. Но это же... не по-человечески как-то! Я страшно голодная и пить хочу! И вообще, я заблудилась, они помочь должны, а не прогонять! Люди обычно так поступают!

На поясе одного из мужчин, здоровяка с окладистой бородой, висела фляга, я потянулась к ней:

– Можно попить? Пожалуйста, очень хочется.

Все разом замолчали, а бородач опасливо отодвинулся.

Парень, который меня привел, протянул свою флягу, я тут же взяла и жадно припала к ней губами.

Вода холодная, вкусная. Вот оно, счастье – напиться воды.

– Спасибо большое, – я хотела вернуть флягу парню, но один из мужиков вдруг ударил по ней, фляга отлетела в сторону.

Они не хотят брать обратно то, к чему я прикоснулась? Ну дела...

Бородатый что-то сказал, и все разошлись. Осторожно так, оглядываясь. Собака, кстати, осталась, только я сделала шаг – зарычала.

– Хорошая собачка, – сказала я примирительно, – ну чего ты, а? И что за странные у тебя хозяева? Я так устала, я кушать хочу!

Действительно, и то и другое. Спасибо, хоть водички дали...

Обо мне не забыли, то и дело кто-то проходил мимо и таращился во все глаза. Нет, правда, они что, людей не видели? У меня две руки, две ноги, два глаза, и все остальное – как обычно. Волосы светло-русые, глаза серые. Я самая обыкновенная!

В конце концов мне принесли плошку с кашей и деревянную ложку. Тот парень принес, который меня нашел. Не в руки подал, а на землю поставил поблизости. У плошки край отбит – наверное, долго искали, какую не жалко. Но каша пахла так, что рот сразу наполнился слюной.

– Спасибо, – от души поблагодарила я и схватила плошку.

Горячая!

Поставила, подула на пальцы, потом взяла осторожно за краешки, попробовала и стала есть. Вкусно, чесночком пахнет.

Парень сел неподалеку и на меня уставился. Это могло бы испортить аппетит, но не теперь.

Он похлопал себя по груди:

– Виа мей Эвер.

Кажется, я поняла, что это значит, и сказала, показав на себя:

– Лина. Остапенко Лина Сергеевна. Очень приятно. Ферштейн?

– Лина? – ему удалось выделить суть.

– Лина, – подтвердила я. – Эвер?

Он кивнул. Дальнейшие вопросы и разговоры казались бессмысленными, поэтому я молча доела. Симпатия Эвер сидел и меня разглядывал, пока не прибежал бородач и не рыкнул на него. Вскоре бородач притащил одеяло, старое, местами рваное, и швырнул мне изда-лека. Видимо, это означало предложение устраиваться на ночевку. Вот так, не сходя с места. Чудесно.

Что это за сумасшедшие? Выглядят и ведут себя они не по-людски! Сектанты какие-нибудь? Иностранные сектанты? Спасибо, конечно, что вообще кто-то встретился, но лучше бы нормальные люди, а не такие. Может, мне от них лучше сбежать, пока не поздно? Что-то страшно...

Из двух зол надо выбрать меньшее. А что меньшее зло, одиночество в лесу или эти стран-ные люди, которые относятся ко мне настолько своеобразно?

Сбежать пока что я не могла, даже если бы решилась уйти сейчас в ночной лес, потому что собака рядом чутко меня сторожила. Значит, надо попробовать поспать, а завтра будет новый день.

Я отползла в сторонку, чтобы поудобнее устроиться у вывороченного пня – собака зары-чала для порядка, но мешать не стала, – улеглась, завернулась в одеяло, пристроив голову на корягу. Ничего, терпимо.

Утром...

Что-то жесткое толкалось в мое плечо, и голос этот, противный, настойчивый, твердил непонятное одно и то же. Я нехотя разлепила глаза, и не сразу сообразила, что к чему. Лежу на земле, жестко, бок болит, рядом – лес, птицы заливаются, какой-то леший бородатый в меня палкой тычет. Тем не менее я вспомнила и вскочила на ноги. Огляделась.

Кажется, недавно рассвело. Все «сектанты» были тут, стояли вокруг – видно, будить меня пришли всей толпой. Бородач что-то сказал, медленно, очень хотел, чтобы я поняла. Конечно, я не поняла. Другой мужчина забрал у него палку, вынул из кармана какую-то тряпочку и на палке протянул ее мне. Я взяла. Просто лоскут, в который воткнута иголка с ниткой. И что мне с ним делать?

Я покрутила лоскут в руках и повесила на пень. Мужчинам это, видно, очень не понравилось, они загалдели разом. Наконец бородач сказал что-то, повысив голос, и махнул мне рукой – это явно было приглашение идти за ним. И я послушалась, тревожно оглядываясь – может, все-таки попытаться сбежать?..

Он подвел меня к пустой телеге, в которую уже запрягли лошадь, знаком велел сесть, сам устроился спереди и подхлестнул лошадь, собака прыгнула рядом. Нас проводили девять пар настороженных глаз – теперь я сосчитала, здесь было восемь взрослых, считая с бородачом, и двое мальчишек. Эвер, мой вчерашний знакомец, тоже хотел сесть на телегу, но бородач – я решила, что это его отец, – прогнал его, крикнул сердито и даже плеткой замахнулся.

Мы ехали долго, сначала по широкой накатанной дороге, потом свернули на неширокую и поросшую травой. И никакого асфальта. Словно другой мир...

Другой мир! Я про такое читала.

Читала, да, но то были сказки! Никто на самом деле не верит, что можно попасть в другой мир! Да мало ли в России мест, где нет асфальта?!

Маленький одинокий домик прятался среди густых кустов на краю поляны. Бородач слез с телеги, выудил из кармана одну за другой пару монет, взглянул на них с сожалением, потом на меня – с досадой, и пошел к дому. Вскоре он вернулся и показал мне на дверь. Моя очередь.

Я брела к крылечку, а ноги подкашивались от волнения. Кто там, что там, зачем меня сюда привезли, я домой хочу! На работу! Ой, как же я хочу на работу! Хотя, сегодня суббота. Во всяком случае, там, где находятся мой дом, работа, мама, Димка, и все остальное мое – сегодня именно суббота, первый из двух моих законных выходных!

Дверь приоткрылась сама. Никакой прихожей, сразу – просторная комната. И женщина, совсем седая, в длинном платье, стояла и смотрела на меня. Глаза у нее были внимательные, спокойные такие. Она прищурилась и кивнула, словно усмехнувшись. Поманила меня рукой – иди сюда, дескать. И я пошла, ступала медленно, осторожно, как по стеклу, хотя под ногами – гладкий деревянный пол. Может быть, устав ждать, незнакомка шагнула ко мне, и ее прохладная сухая ладонь закрыла мне глаза.

Меня качнуло и в глазах потемнело. Она отняла руку.

– Не бойся. Помолчи пока, потерпи немного.

Я ее поняла! Она говорила – по-русски?..

Она казалась не доброй и не злой, а – уверенной, хозяйкой. Не из тех, кто уговаривает. Таких слушаются. И я почему-то подумала, что если не послушаюсь ее сейчас, то мне совсем крышка.

Она опять накрыла мои глаза своей ладонью, на этот раз надолго. Наконец убрала руку, посмотрела оценивающе:

– Как ты, голова не кружится?

– Немножко, – признала я.

– Это ничего, – она подвела меня к лавке у стены, – сядь сюда, посиди.

Сама присела рядом, сложила руки на коленях, покачала головой.

– Ох, девушка, и угораздило тебя! Как сюда попала, сама или силком кто отправил?

– Я... не сама, нет. Не знаю. Я просто споткнулась. Не поняла ничего. А где я? И что это? – я кивком показала в сторону двери, за которой остался бородач.

– Мельник из ближней деревни, – женщина опять слегка усмехнулась.

– Они не говорят по-русски, – продолжала удивляться я, имея в виду не только мельника, – что же это за место?

– Верно, на твоём языке они не говорят, – согласилась она, – и мы с тобой на нём сейчас не говорим. Прислушайся.

– А как же я, по-вашему, говорю? – вскинулась я, и неожиданно поняла, что звуки моей речи стали иными.

И стены вокруг качнулись и закружились...

– Ну-ну, успокойся, – женщина взяла меня за руку. – Сейчас пройдет. Я дала тебе язык. Здешний язык.

– Э... как? – с трудом выдавила я.

– А вот так. Потом разберёшься, а пока не задумывайся, – посоветовала она. – Не о словах беспокойся, а о том, что говоришь.

Я закивала, подумав – а может, я просто с ума сошла? Ещё вчера?

А может, мне какие-нибудь наркотики вкололи?..

«Я дала тебе язык! Пользуйся!» Ни много ни мало. Смешно! Английский вот я, к примеру, учила в школе, а потом в универе, и всё равно толком не знаю.

– Меня зовут Митрина, – сказала женщина. – Я тут знахаркой живу. А твоё имя как будет?

Я глубоко вздохнула.

– Меня зовут Лина.

– Лина. Лина, – повторила она дважды, словно пробуя имя на вкус. – Имя хорошее. И девушка ты красивая. А это не очень хорошо, милая. Красивой девушке за чьим-то плечом лучше стоять. Ну давай, рассказывай с самого начала, надо же хоть понять, как ты тут очутилась, и почему так не по-людски выглядишь.

Я рассказала сначала, то есть с начала вчерашнего утра. Митрина внимательно выслушала, потом подумала немного.

– То есть, тебя никто не встретил, – заключила она. – И не видала никого, пока на возчиков не наткнулась? Это очень странно, милая. Говоришь, Дверь, в которую ты прошла, прямо на дороге? Так не бывает. Дверь охранять, как зеницу ока беречь положено, так, чтобы и при нужде не просто пройти было, а уж случайно... Шутка ли – Дверь! А если её специально тебе открыли – зачем? Тоже непонятно. В таком деле случайности редкость.

Слово «Дверь» она произносила по-особому, значительно – ясно, что не про простую дверь речь.

– А как мне обратно вернуться? В ту Дверь? – спросила я о самом важном.

– А никак, – усмехнулась знахарка. – Теперь, чтобы вернуться, тебе заново нужно Дверь открыть. А что ты хотела, девонька, из мира в мир перейти непросто. Может, придётся тебе здесь жить.

Из мира в мир, вот как. Ни много ни мало.

Я всё-таки в другом мире?! Так не бывает, не бывает, не бывает...

– Нет! – выдохнула я. – Не могу я здесь остаться, у меня мама там, у меня... всё там!

– Это само собой, – кивнула она. – Не тебе первой терять и находить. Ну, чего ты?..

А у меня слёзы потекли по щекам, сами, непрошенные. Как это – тут остаться? Да с какой же стати? А мама? А Димка? Мы же расписаться собрались осенью. Как мне можно быть тут, если моя жизнь – там?

– Ну-ну, – Митрина погладила меня по плечу, – успокойся, девонька. Успеешь наплакаться, если уж душе нужно, а пока лучше меня послушай.

Она подвинулась к окошку, выглянула, заметила всё с той же легкой усмешкой, имея в виду бородача, конечно:

– Вон, бедолага, волнуется, совсем терпеть невмочь. Ничего, пусть подождет, ему не к спеху. Догадываюсь, девонька, откуда ты, – она ласково положила руку мне на колено. – По

твоему виду догадалась, по твоей несурзной одежке. Рассказывали мне кое-что про твой мир, и Дверь в него, я знаю, неподалеку должна быть...

– Рассказывали? Значит, про него тут знают, да? Значит, можно его найти?... – я была готова хвататься за соломинку.

– Тот, кто рассказывал, здесь детей вырастил, умер и похоронен, так что не обманывайся, девонька, – отрезала знахарка. – А вообще, есть маги, которые умеют открывать Двери. Мало их, но есть.

– Маги? Это которые магией пользуются, волшебством то есть? – глупый вопрос, конечно, но само вырвалось.

Маги! Надо же!

– Именно. А что тебя удивляет?

– У нас не верят, что магия существует. То есть мало кто верит. У нас – наука... Хотя, нет, и магия есть, но это как бы вранье все, шарлатанство...

– Понимаю, – кивнула Митрина. – Странно, конечно. Тебе поначалу будет непросто, но ничего, освоишься. И одеваться придется, как полагается девушке, и так же себя вести, а то можешь и не дожить до возвращения обратно, если тебе это вдруг суждено. Ты ведь не замужем?

Я мотнула головой. Была бы... скоро.

Э... не дожить? Даже так?!

– Тебя за таю лесную приняли, – объяснила Митрина. – Это, как бы сказать... нечисть, слабенькая. Иногда выходят к людям. На тебя они не очень похожи, но их мало кто видел. Люди верят, что таи женские дела не умеют делать, ни шить, ни прясть, ни ткать, ни вязать шерсть – ничего. Тебе не пробовали нитки с иголкой подсунуть?

Я вспомнила тот злосчастный лоскут и иголку с ниткой, с которыми не знала, что делать. А меня проверяли, оказывается, не нечисть ли я.

– Пробовали, – сказала я.

– А ты шить не стала. Умеешь-то шить?

Я всегда неплохо шила. По выкройкам из журналов. У меня машинка швейная – чудо просто, сорок шесть видов швов делает. Только вот есть ли тут журналы и машинки? Наверняка нет. А я вручную только сметывала, и еще крестиком могу вышивать, одно время увлекалась, потом забросила. Значит...

– Немножко умею, – сказала я осторожно. – Совсем чуть-чуть...

– Уже хорошо. Прясть, ткать не умеешь, конечно? Вязать? Кружева плести?

– Вязать... немножко, на спицах.

– Ясно, – вздохнула знахарка. – Видишь ли, девонька. Деревенские женщины здесь без работы вообще не сидят. Не принято. Да и сама подумай, на семью напрясть, наткать да нашить – это десять рук надо, а не две. Девочек в три года за веретено начинают сажать да за иголку. Если станешь прохлаждаться – не поймут, откуда взялась такая лентяйка. А узнают, что прясть и ткать не умеешь – тоже не поймут. Это даже именские дочки умеют. Ясно тебе?

Я кивнула. Что сказать, перспективы радужные. Понятно, что с книжкой перед телевизором тут не лежат, но чтобы все так безрадостно?

– А еще готовка, стирка, да коров доить, в поле работать.

Она меня решила добить окончательно?

– Понятно, – закивала я. – Но мне бы домой попасть... как? Даже если это почти невозможно?..

– Нет ничего невозможного, – она опять то ли улыбалась, то ли усмехалась, – попытаться стоит. Но помни, не во всякий момент можно открыть нужную Дверь, тут уж как получится. Попытайся. Вот, смотри, – она щелкнула пальцами, и перед нами откуда ни возьмись развернулось цветное полотнище.

Нет, вышивка. Мелким крестиком на холсте. А вышита была вполне понятная карта.

– Это Мирей, наша часть мира, – махнула рукой знахарка. – Есть еще две части, они – за океаном.

– Континенты, – перевела я на свой язык понятий.

– Угу, – согласилась знахарка, – у нас говорят – земля Мирей, хотя ясно, что это лишь часть мира. Вот это – наша Винета, исконное королевство. Рядом – княжество Кейт, дальше Итсвана, империя, собранная из множества королевств и княжеств – видишь, какая она большая? Вот горное княжество Каст, оно давно часть Итсваны. С этой стороны Итсваны – Драконы горы, или Содда, государство иномирцев, повелевающих драконами. Дальше и другие государства есть... ну да тебе пока это не нужно.

– Драконы? – удивилась я, – настоящие?!

– А то! – весело подтвердила Митрина и опять щелкнула пальцами, и я увидела изображение на полу – черный дракон словно отражался в водной глади. Изображение довольно знакомое – я в кино похожее видела, и на картинках. Обычный дракон, если забыть, что для меня до сих пор они были лишь порождением человеческой фантазии, существами из сказок.

– Налюбовалась? – Митрина щелчком убрала картинку с пола. – Если увидишь дракона в небе, не пугайся. На землю они не опускаются, им запрещено. Итак, смотри дальше. Вот Винета. Мы находимся здесь, – она двигала пальцем по карте, – а вот столица, город Андер, там и живет маг, который может тебе помочь. Он один из королевских придворных магов и Мастер Дверей. Есть и другие мастера, но их я не знаю. У каждого мастера свои Двери, и он хранит свои секреты. Поняла?

– Поняла, – вздохнула я.

Кто его знает, какой масштаб у этой вышитой карты, но что-то мне показалось, что далеко этот волшебник, очень далеко. Как же мне добираться-то до него по такому дикому миру? Через всю страну, можно сказать! Где меня и за человека пока не принимают. Одно счастье – шить умею худо-бедно, смогу, если что, доказать, что не нечисть!

– Заветных три желания исполнит мудрый Гудвин, и Элли возвратится с Тотошкой домой, – пробормотала я со вздохом.

Само как-то вырвалось. Даже в сказках, чтоб вернуться домой из другого мира, надо совершить долгий-долгий пеший переход.

– Это ты о чем? – приподняла бровь знахарка.

– Это у нас сказка такая есть, – пояснила я. – Девочка Элли попала в другой мир, и ей пришлось долго идти по дороге из желтого кирпича к волшебнику, который мог бы вернуть ее домой. И еще ей надо было помочь трем существам осуществить их самые главные желания... где-то так.

Знахарка качала головой.

– Значит, и в твоём мире кое-что понимают. Про магию и про пути между мирами. Ты помни, человек ненужный даже в открытую Дверь не пройдет без помощи мага. А уж случайно...

– А чего же я должна делать?

– Этого не знаю, – она опять погладила меня по колену, успокаивая, – ты не бойся, милая, не бойся. Если нить потянулась – все будет, как надо, в сторону не свернешь. А если нет нити – тоже все будет, но лишь по твоей воле.

– Ка-а-кая нить? – растерялась я

– Да это ладно, – она махнула рукой. – Неважно. Неизвестно, если ли нить, так чего гадать. Просто хочу я сказать, что редко очень такие случайности бывают. Со временем разберешься, я надеюсь.

– Но объясните мне все же, нить ваша – это что?

– Милая, ты странно разговариваешь. Зачем к одному человеку обращаться так, словно их несколько?

– Э... у нас так принято, – растерялась я.

– Очень странно. Ну ладно, мало где какие обычаи. Здесь лучше не говори так, люди не поймут. А нить... трудно объяснить. Это вроде как путь, намеченный для тебя кем-то. С него не свернешь. Сильный маг может так проложить нить, что знахарка вроде меня ее не заметит. Потому я и не знаю, есть ли для тебя нить. Слушай дальше, – она выглянула в окно и улыбнулась. – Мельник Вирген, что тебя сюда привез, он себя хитрым и ушлым считает. Мужик незлой, но против тебя худое задумал, вот явился ко мне спросить, можно ли, не будет ли хуже. Я ему сказала – можно, пусть рискнет.

Услышав такое, я только изумленно моргнула. Худое, против меня, и – можно?!

Знахарка, наблюдавшая за мной искоса, рассмеялась.

– Ты слушай, слушай, девонька. И думай. У Виргена пять лет назад мельница сгорела, так он у здешнего имения деньги на новую одолжил. А сам две поставил, одну паводком разбило, а там сына среднего женить пришлось, и не повезло в делах – короче, долг пора отдавать, а нечем. Теперь ему придется либо сына последнего, либо старшую дочку имению отдавать, в полную власть, если сына – на семь лет, а если дочку – на десять. Так он задумал тебя за родственницу выдать и тобой с именем расплатиться.

– Это в рабство, получается? – чуть не подпрыгнула я, – нет, не хочу!

– Да ты погоди, – покачала головой знахарка. – Ведь окажешься в именьском замке. А имень дочку замуж выдает, недели через три ее к жениху повезут, как раз в Андер. И тебя отвезут, если попадешь к ней в прислугу. Если ленна к себе приблизит, вообще на рухе полетишь, а нет, и в обозе с приданым неплохо доедешь. А иначе как ты в столицу думаешь попасть? Пешком? Осень на носу, а там и зима. Здесь поселиться хочешь до весны? Можно, отчего же. Глядишь, и замуж выйдешь, ты девушка видная. Оставайся! Я тебя попугала малость здешней жизнью, но ты не слушай, захочешь – всему научишься. Поищи, может, в работницы для начала кто возьмет.

Я понурилась. Да, грустно все, куда ни кинь – все клин. Очень мне надо здесь замуж, а тем более в работницы! Хотя, как видно, хрен редьки не слаще – что в женах тут, что в работницах. Мне бы к волшебнику!

Но идея попасть в рабыни на десять лет мне не нравилась вообще. А ну как не выберет дочка имения в служанки? Что тогда делать, бежать от имения куда глаза глядят? А что полагается рабыне за побег? А с другой стороны – ведь это, действительно, реальный шанс с относительным комфортом добраться до столицы королевства!

Это при условии, конечно, что я завтра не проснусь у себя дома и не окажется, что со мной случился какой-то диковинный глюк. Хотя, чего там, я сама все больше верила в незыблемую реальность происходящего.

– Ну решай, – сказала Митрина. – Не хочешь – настаивать не стану. У меня задняя дверь есть, через нее уйдешь, а мельник пусть покукует еще под окнами. А пока мы тебя переоденем. В твоей одежде людям лучше не показываться. Погоди.

Она вышла и скоро вернулась с ворохом вещей, бросила на лавку. Тут же на лавку поставила таз, принесла ведро воды, шелкнула пальцами – над водой появился парок.

– Вот, помойся и оденься. Тебе бы баньку устроить, да времени нет. Вот это нижняя рубашка, это юбка на завязках, это жилет. Волосы в косу заплети, недлинная получится, да ладно, какая есть. Запомни, девушке за порог с рассыпанными волосами выходить нельзя, только с прибранными, и чтобы повязка на голове была или лента. Вот, потом помогу надеть, – я не поняла, откуда в ее руке взялась красная с черными пятнышками лента, которая отправилась к остальным вещам. – А замужняя платок носит. Поняла? Справишься, или помочь?

– Разберусь, – уверила я, – спасибо вам большое... Тебе, то есть, спасибо.

– Ну-ну, – улыбнулась она и вышла.

Ох, как же странно все! И страшно! Может, сбежать, пока не поздно, и пусть этот пройдоха-мельник сам со своими долгами разбирается? Впервые его вижу, и в невольницы по его милости отправляться не желаю! А чтобы в служанки к той барышне попасть, вот прямо пойду сама в замок и наймусь на работу.

Рубашка желто-серая, длинная юбка из толстого полотна темно-зеленая с красной полоской по низу, жилет пестрый, полосатый – и красные полосочки, и зеленые, и синие... Я на попугая не буду похожа? На жилете пуговицы красные, деревянные. Да ладно, как будто у меня есть выбор, что надеть! Ясно, что в моем костюмчике оставаться никак нельзя, очень уж он тут не по моде.

Я умылась, расчесала волосы гребнем, который нашла тут же на лавке, оделась. Все оказалось по размеру, как будто нарочно на меня подобрали. Белье и туфли оставила свои – другого ведь не дали. Туфли-балетки, серенькие, простенькие, уже старые, а прогулку по лесу выдержали, и почти не видно их – может быть, местные женщины что-то похожее носят? Я туфли на шпильках только в офисе надеваю – ох, хороша я была бы в них сейчас! Впрочем, вчера в лесу те шпильки были еще более некстати, сразу бы зашвырнула их в какие-нибудь кусты...

Волосы заплела в косу «рыбий хвост» – так пышнее получается.

Жаль, зеркала нет, посмотреться бы. Как будто на маскарад собралась, честное слово! И как же ленту носят? Непонятно...

Чужой мир! Про это в кино хорошо смотреть и в книжках читать, а осознавать в своей реальности – голова лопнет. Нет, я лучше потом осознаю, как-нибудь на досуге. Как говорила моя нежно любимая когда-то Скарлетт О'Хара из «Унесенных ветром»: «Я подумаю об этом завтра».

Знахарка вернулась, когда я уже заскучала и с тревогой поглядывала на дверь. Она улыбнулась насмешливо, оглядев меня, без церемоний развязала пояс на моей юбке и повернула ее.

– Вот так, девонька. Пояс надо завязывать справа.

Я всего лишь надела юбку задом наперед.

– А ты точно ничего, – хмыкнула она, – парни заглядываться станут.

Вот обрадовала. Зачем мне здешние парни? Мне – к волшебнику, и домой.

– Нагнись-ка. Вот так, – она ловко повязала мне на голову ленту, над самым лбом. – Хороша. Что решила, с мельником договариваться станешь?

– Нет, не стану, – я решительно покачала головой. – Добровольно в неволю – не могу. Лучше пойду в замок и наймусь на работу.

– Это дело твое, – согласилась она. – Только имей в виду, незнамо кого к хозяйской дочке так просто не подпустят. Труднее тебе будет.

– А я постараюсь. Спасибо большое, но иначе не могу, – я не собиралась сдаваться. – Пожалуйста, объясните... то есть, объясни, как найти в столице того волшебника и как его зовут?

Она смотрела на меня, как показалось, весело и с любопытством.

– Ох, милая. Зовут его Гвент Мун, а где найти – спроси у писца на базаре.

– У писца? – повторила я, надеясь, что не ослышалась.

– Ну да. У того, который пишет за деньги.

Как запомнить имя! Ну да, смартфон же! Я выхватила его из-под вороха вещей, быстро включила и записала имя в «заметках».

Надо выключить, иначе заряда надолго не хватит.

– Не волнуйся, имя не забудешь, – сказала Митрина, которая с любопытством за мной наблюдала. – Это что у тебя? Что за кристалл?

– Это телефон, для связи... прибор такой. Чтобы разговаривать на расстоянии... – принялась объяснять я.

– Да? Тот человек рассказывал про такие вещи, но они должны соединяться с помощью особых лент... то есть шнуров.

– Проводов, – догадалась я. – Да, раньше были такие, а эти придумали позже. Им не нужны провода, они передают звук... с помощью специальных волн...

Вот ведь дела, я уже не помню сколько лет пользуюсь мобильным телефоном, но даже человеку из моего мира и времени с трудом объяснила бы, как он работает, а этой знахарке из мира, который, похоже, соответствует уровню царя Гороха?.. Какая мобильная связь, какие волны?!

Не знаю. Я пас.

– Позволь взглянуть?

Она подержала телефон в руках, словно к чему-то прислушиваясь.

– Очень интересно. Какая-то магия определенно есть... Странная магия.

Выключенный, он вдруг засветился между ее ладоней. Ох ты ж... ничего себе!

Может, она электрическое поле генерирует и чувствует, кто сказал, что в магии его нет?

Или что еще?..

Если бы я хоть что-то понимала в магии!

– Возьми, и будь осторожна, береги эту вещь, – она вернула мне смартфон.

– Буду беречь, – я сунула его в сумочку-кармашек на поясе, старательно застегнула пряжку.

– А имя мага, повторяю, и так не забудешь. Все, ступай. На вот на дорожку, – она сунула мне в руки что-то, завернутое в полотняную салфетку. – Идем, дорогу покажу. На большой тракт старайся не сворачивать, пока до замка не дойдешь. К вечеру доберешься.

– Спасибо, – сказала я от души, – я перед вами... перед тобой в таком долгу, а чем отплатить, не знаю. Может, смогу когда-нибудь?

Она улыбнулась.

– Не беспокойся, девонька. Мне за тебя давно уплачено, и щедро.

— Уплачено? Как?! – поразила я.

Все интересней и интересней...

– Говорю же – щедро! – она засмеялась. – Не именно за тебя – за иномирянку. Иномирянку ждали, надеялись, что придет, и меня, конечно, не минует. Пришел же когда-то... тот. Предсказание было, для одного человека. Все, больше не спрашивай, дальше по ходу разберешься.

– Нет, постойте, давайте разберемся сейчас, – начала я, – кто...

– Нельзя сейчас. Иди, иди... – она буквально дотолкала меня до низенькой двери в дальней части домика, а я потеряла возможность сопротивляться, шла покорно, хотя хотелось схватить ее за плечи и продолжить расспросы. – Вон тропка, видишь? Не сворачивай. Иди, и пусть будет, как должно. Помощь понадобится – заглядывай, если случится. А пока – иди, говорю...

И я пошла. По тропке. Немного погода повернулась, и домика знахаркиного не увидела.

Ох... Пусть будет, как должно, она говорит? Ничего себе пожелание. Кто его знает, что там «должно»?

Ну хорошо, пусть будет...

В свертке, данном Митриной на дорожку, оказался пирожок с творогом, я его сразу съела. А вскоре набрела на ручеек, чистый такой, ухоженный, и ковшик рядом на сучке висел. С удовольствием напилась. Эх, захватить бы с собой водички – да не в чем...

А тропка петляла и временами совсем пропадала. Но я отважно шла вперед – деваться все равно некуда. Шла и радовалась, что сбежала от мельника. Надо же, гад такой, запродать меня в рабство вместо своей дочки, нашел дурочку! Нет уж, не надо, я сама как-нибудь.

Тропинка привела меня на высокий лесистый холм, и оттуда я увидела замок. Высокие башни, стена... Очень похоже на то, что приходилось видеть в кино и на картинках. Значит,

замок – в любом мире замок. И люди, надо думать, тоже везде по крайней мере похожие. Значит, разберемся как-нибудь.

Если вдуматься, Митрина, напугав меня рассказом о местных нравах, не рассказала при этом ничего особенного. Кажется, наши прабабки в русских деревнях еще где-нибудь в начале 20-го века так и жили, и разные здешние мракобесия про нечисть тоже, в сущности, чем-то перекликаются с нашими, родными – мне ведь столько разных баек слышать приходилось. Другое дело, что я, девушка из века 21-го, в таком антураже буду выглядеть бледно, если не сказать больше. Но ведь справляются же другие, и я справлюсь. Кто сказал, что на меня сразу свалятся все местные неприятности? Так зачем себя заранее накручивать, надо решать задачи по мере их поступления.

Я все смогу и вытерплю, лишь бы добраться до моего Гудвина и вернуться в мой мир. Обязательно. Мне надо домой!

Тропинка как-то незаметно влилась в широкую дорогу, а до замка, казалось, было уже не так и далеко. Присев отдохнуть у обочины, я стала размышлять, как явлюсь в замок, что скажу. И поняла, какая же я растяпа, надо было поспрашивать у Митрины, пусть бы научила. Как вести себя, что говорить – это же важно! Впрочем, Митрина под конец так настойчиво выставила меня за порог, что вряд ли можно было задержаться и задавать ей вопросы.

То, что я растяпа, видимо, очевидный факт, потому что мне следовало быть хоть немножко осторожней и смотреть по сторонам. Так нет же! Забыла обо всем и обо всех, пыталась представить, что ждет меня в замке этого, как его... имени?

Имень – это по-нашему местный граф? Или сошка помельче? Митрина сказала, что я, может быть, полечу на рухе – это что еще за летательный аппарат? Эти отсталые средневековые люди на чем-то летают?!

Тут, кстати, драконы есть. Но о том, что на драконах можно летать, знахарка не упоминала.

Да она о многом не упоминала! Прямо хоть возвращайся обратно и расспрашивай!

Рядом раздался короткий шорох, и – меня накрыло что-то темное и пыльное. Накрыло, скрутило, повалило, пыль забила в нос. Я рванулась, пытаюсь освободиться, что есть силы ударила кого-то локтем, коленом – поняла уже, что меня удерживают сильные мужские руки. Добилась лишь того, что крепкий кулак ткнулся под ребра.

– Тихо ты, дура!

А голос-то, вроде, знакомый. Мельник, точно он!

– Веревку давай! – велел кому-то мельник, – эй, шевелись, остопоп, кому говорю!

Желаемое он получил и принялся меня связывать, обмотал так, что и шевельнуться было невозможно – длинная оказалась веревка.

– Отпусти меня, мельник! – завопила я, – имению на тебя пожалуюсь! И магу! Мало не покажется, понял?

Выкрикнула, даже не думая, что говорю – само сказалось. И про имения вспомнила, не запнулась, и про мага!

– Эй смотри, отец, что говорит, а если и впрямь... – сказал... ну, да, тот парень по имени Эвер, точно он.

– Заткнись, – посоветовал ему мельник, – без тебя тошно. Давай флакон, ну!

Я уже поняла, что кричать бесполезно, и соображала, как договориться? Что ему там от меня надо? В рабство сдать имению? Вот уж добрый человек! Сказать ему – согласна, дескать, сдавай в рабство, я не стану жаловаться? Аж тошно стало от мысли, что такое скажу...

– Открывай флакон! Вот бестолочь, и в кого только... – рычал мельник.

Вдруг на мою грудь что-то сильно надавило, так, что я резко выдохнула, а вот вдохнула... Вдохнула я что-то сладко-пряное, и, в общем, приятное, но что?..

– Ты меня травишь, паразит? Не смей! – заорала я и забилась в своих путах, и часто задышала, и снова постаралась объяснить, что о нем думаю...

Вместо слов из моего горла вырвался хрип и какой-то звериный вой.

– О, похоже, готово, – порадовался мельник. – Всего делов-то...

И сдернул с меня мешок. И чистый свежий воздух показался таким вкусным...

– Как ты, девонька? – мельник заботливо склонился надо мной. – Эй, погляди-ка, а ведь она и девка стала ничего, на чучелко уже не похожа, – это он сказал сыну, который в ответ что-то промычал.

Из моих губ опять вырвался лишь вой.

– Теперь, значит, немая будешь, – сообщил мне мельник даже как-то по-доброму. – Я загодя верным заклятьем запасся, у сильного мага купил, так что ничего не поделаешь. Вот что, девка, ты тут чужая. Те, кто видел, как тебя нашли, уже про то забыли. Люди хорошие, меня не выдадут. Раз пришла такая удача – не упущу, нет. Дочку я просватал, и хорошо просватал, ни к чему ей к имению идти, а сын мне и подавно дома сгодится, поняла? На знатную ленну ты что-то не тянешь, так что вряд ли с меня за тебя спросят. А вот за безумную вполне сойдешь. Верно ведь? У меня как раз племянница безумная была, не немая, правда, но кто об этом помнит?

Я затрясла головой – дескать, нет!

– Розгами выдеру, – буднично сообщил он. – Племянницу поучить – я в своем праве. Такие нежные и беленькие быстро вразумляются. Хочешь, что ли? А?..

Что он сказал?!

Я медленно качнула головой – нет.

– А может, и надо бы, чтоб верней уяснила. К имению и завтра можно, и на днях, не горит пока, – размышлял он вслух. – А?..

Поденок. Негодяй. Неужели такие есть во всех мирах? Кто бы сомневался.

Я молчала.

– Так что, девка, не будем откладывать? Везу тебя к имению, и ты ведешь себя как надо? А то вон прямо сейчас пошлю сына розог нарезать, это недолго, зато верней будет.

– Отец! – недовольно буркнул Эвер где-то сбоку от меня.

Я повернулась, взглянула. Парень стоял в паре шагов, смотрел в сторону и счастливым не выглядел. Но в то, что он, послушный сын, тут же пойдет за розгами, хоть и недовольно ворча при этом – я почему-то поверила сразу. Тем более что проверять не хотелось.

И я нехотя кивнула.

– Ага, согласна? Едем к имению? Ладно, – Мельник довольно потер руки. – Значит, помни – ведешь себя тихо, работаешь старательно, и чтобы все тобой были довольны. Отправят обратно ко мне – я уже сказал, что будет. Пожалеешь, что не в замке.

– Отец... – вновь подал голос мельников сын.

– Заткнись уже, – нехотя бросил мельник, – а то себе пойдешь розги резать, умник.

Эвер отвернулся, а мельник продолжал:

– Зовут тебя Камита. Ты безумная – я уже сказал. Жила у богатой вдовы, пока та не померла. Бегала все время и разные фортели выкидывала, но мастерица, потому тебя и берут. Поскольку ты безумица, то дешевле нормальной девки, идешь к имению не на десять лет, а на все двадцать, он тебя и замуж выдаст, если пожелает, и все, что ему угодно. Но если ты от него сбежишь через год, меня это уже не касается. А вот если на меня жаловаться вздумаешь, уж не знаю, как сумеешь – я-то оправдаюсь, зато тебе не поздоровится, девка. Поняла?

Я кивнула чуть заметно. Ему хватило.

– И ладно, – он поднял меня за плечи. – Иди в телегу садись, вон она, видишь? Шевелись. Ты словно и впрямь не в себе, дуреха квелия, только бы ворон в небе считать.

И ничего мне не оставалось, как забраться в телегу, в ту самую, на которой уже прокатилась сегодня к Митрине.

А в чем я мастерица, знать бы хоть ещё...

Пусть будет, как должно – ее слова. Вот как, значит, должно. Ну-ну...

Глава 2. Замок Кер

Трястись в телеге пришлось недолго, дорога скоро вывернула из леса, и показался замок.
– Вот он, замок Кер, – мельник повернулся ко мне. – Знаешь хоть, где находишься? Ты, вообще, откуда свалилась-то? Какими силами?

Я ответила выразительным взглядом. Ответа хочешь, идиот? А кто меня немой сделал, вместо того, чтобы хоть как-никак поговорить?

– Молчишь, – удовлетворенно заметил он. – Ну-ну...

– Отец, а если она из Итсваны? – тихо сказал Эвер. – А может, из нелюдского народа, из лесных ведьм там, или из горных колдунов? Что, если она магией владеет?

На что мельник недовольно цыкнул:

– Молчи уж, олух. Хоть бы когда что умное сказал!

У самого замка дорога была широкой, наезженной, точнее, несколько дорог сходились вместе. Никакого рва с лягушками, вроде тех, что я в кино видела, ворота тяжелые, распахнуты настежь. На башенке над воротами – стражник с длинным копьём, стоял и облака рассматривал. Хоть бы сделал вид, что бдит! На стражнике было надето, как мне издали показалось, что-то кожаное с металлическими пластинками, и, кажется, еще меч висел на поясе.

Мы миновали довольно обширную площадь, мощеную камнем, и оказались в маленьком дворике, с трех сторон зажатом высокими стенами, возле низкой полукруглой двери из толстых досок. Видно, нас заметили или ждали, потому что сразу вышла женщина, худая, в темном платке, обильно расшитом бисером. На мельника она смотрела без радушия.

– Привез? Ну показывай.

Тот толкнул меня в бок:

– Вставай, чучело. Покажись лире Ноне.

Я вылезла из телеги, выпрямилась. Ох, и взгляд же у этой... лиры! Острый, холодный, прямо пробирал. Как есть ведьма.

– Открой рот, – велела она. – Шире!

– Зубы покажи, тебе говорят, – пояснил мельник.

Мне захотелось убить мельника. Но вместо этого я, как механическая кукла, открыла рот и показала зубы.

– Хорошо, – признала она. – Зубы хорошие, здоровая, видно. А руки?

Руки мои лире Ноне не понравились, и она недовольно процедила:

– Ну и ну, чем она занималась до сих пор? Ты что нам за госпожу сюда привез, мельник? Может, мне ей сразу пару служанок назначить?

– Что ты, что ты, лира Нона! – испугался мельник. – Хорошая девка, работающая. Ты ее испытай! Она мастерица на диво!

Я исподлобья посмотрела на негодея. Мастерица, ага. Что ж, это он врет, не я! Его проблемы.

Впрочем, он уедет сейчас, а спросят с меня. Хотя, чем уезжать с мельником, лучше уж тут остаться. Ничего, разберусь потихоньку.

Поговорка есть такая: куда ни кинь, всюду клин. Очень подходит к моей ситуации.

– Ну хорошо, – вздохнула экономка. – Пойдем, мельник, дам тебе расписку. Но учти, чуть что не так, я девку назад пришлю. На расписке пометку сделаю.

– Что ты, добрая госпожа, не случится такого. Уж она постарается, да? – мельник зыркнул на меня исподлобья.

Я отвернулась.

– Ты не бойся, экономка тут не злая, строгая просто, – забубнил Эвер, когда его папаша утопал вслед за лирой. – Я тебя навещать буду.

Вот тут я не выдержала, рассмеялась. Он будет навещать! Вот радость-то!

– Правда, Лина. Не обижайся, – он постарался заглянуть мне в лицо, я отвернулась и засмеялась громче.

– Ишь ты, и правда безумица, – сказал кто-то рядом. – Эй, парень, она хоть понимает, что ей говорят?

– Она понимает, – буркнул Эвер.

Я глубоко дышала, вытирая с глаз непрошенные слезы. Истерика, да. Вот она какая, значит.

Кстати, нечто дельное мне Эвер сообщил: «ведьма» лира Нона, значит, экономка. То есть, моя начальница. Вряд ли непосредственная – если она заправляет всем замком, то я для нее слишком мелкая сошка. Может, станем видеться не слишком часто...

Впрочем, мне же нельзя по задворкам отсиживаться! Я должна втереться в окружение к хозяйской дочке и вместе с ней уехать в столицу! Только как это сделать, если я, во-первых, немая, во-вторых, безумная?

Нас с Эвером уже окружили местные обитатели, человек десять, и подходили новые, стояли и разглядывали меня, как диковинную зверушку.

– А девка-то ничего, – сказал худой мужичок с реденькой бородкой и такими же редкими, словно через один, зубами. – Справная. Я бы пощупал.

– Размечтался. Твоя очередь последняя, не сомневайся, – ехидно заметила женщина в испачканном углем переднике. – Ишь...

Эвер подвинулся ко мне, заслонив плечом.

– Эй, вы! Я спрошу с того, кто мою сестру обидит!

В толпе засмеялись.

– Тоже, спрашивальщик, ты до иного обидчика дотянись...

Парень обиженно засопел.

Что ж, все равно спасибо, Эвер.

– Ладно вам, – сердито бросила одна из женщин, – жалко девку. Разве можно ущербную обижать, Провидение отвернется! Что за глупые...

– Вот молодой лир приедет, так ему и скажи, – посоветовал ей кто-то.

– А красивая, точно говорю.

– А чего так смотрит? Нет, погляди, как смотрит!

Они решили, что я еще и глухая?..

И тут произошло нечто, что отвлекло зрителей от моей скромной персоны: из-за угла выехала телега, запряженная парой лошадей, правил рослый возница, а по бокам ехали два вооруженных мордovorота, одетых примерно так же, как стражник на воротах, но без копий. В телеге стояла клетка. В клетке сидел человек.

Возница придержал лошадей, и, нагнувшись, заговорил с кем-то подошедшим.

Женщина в фартуке всплеснула руками:

– Поймали-таки!

– Эх, дурень! Добегается... – пробурчал тот, кто возжелал меня пощупать.

Я не могла глаз отвести от бедняги в клетке. Это был молодой мужчина. Плечистый, наверное, рослый. Небритый, весь какой-то побитый, поцарапанный и пыльный – не удивительно, в его положении. Волосы, темные и, кажется, довольно длинные и спутанные, завязаны в пучок сзади. Рубаха... и не поймешь, какого цвета. Руки связаны. Ну вот, еще и руки, клетки мало, что ли? А сердце мое отчего-то замерло.

Какой-нибудь преступник, которого привезли на суд местного... «барина»? И что же он натворил, бедняга? А может, и не бедняга, а напротив, злодей, каких мало?

В последнее мне что-то не верилось, или, скорее, не хотелось верить. Может, потому, что истинный злодей, гад и сволочь притащил сюда меня, лишив при этом возможности разговаривать, а он, между прочим, являлся во всех отношениях достойным членом местного общества.

Пленник поднял голову и равнодушно оглядел двор. И взгляд его остановился на мне, кажется, с каким-то недоумением. И наши взгляды встретились.

Глаза на темном лице были необычайно светлые, яркие. Серо-голубые. У меня у самой серые, но темнее.

Пленник медленно опустил голову, и глаза его словно погасли.

– Ишь, как на тебя смотрел, – усмехнулся мой «братец» Эвер. – Гадает, видимо, кто ты. Тут все свои, а тебя он не знает.

Ага, значит, человек в клетке – тут тоже «свой», раз знает всех, кроме меня. Я повернулась к Эверу, взглядом попросив пояснения – кто это? По крайней мере, постаралась попросить. Он догадался, чего я хочу, и пояснил:

– Это Дин, здешний сумасшедший. Давно в замке живет, именъ о нем заботится. Только нравится ему убежать, вот и приходится погоню посылать, искать. Именъ гневается.

Вот как, значит. Не разбойник, не злодей, всего лишь сумасшедший. Так я тоже тут вроде как сумасшедшая. И тоже намерена отсюда сбежать, но это на крайний случай. Меня вернут обратно связанной и в клетке? Милая перспектива.

Словно отвечая моим мыслям, Эвер сказал:

– Он такой сильный! Небось, и клетку бы сломал, потому и связали. С ним, когда разойдется, и трое не управятся.

Я выразительно шевельнула бровями, и Эвер тихонько добавил:

– Он настоящий сумасшедший, не как ты, не думай. Он, это... беспамятный, поняла? Только три года своей жизни помнит, а то и меньше. Он и этот день через три года тоже начисто забудет. Раньше всего год помнил, говорят.

Очень странно. Во всяком случае, я пока не слышала о таком, чтобы человек мог помнить только последние годы своей жизни. Хотя, человеческий мозг вещь сложная, все еще до конца не изученная, как не раз говорила моя мама. Может, у него травма какая-нибудь была, в детстве или даже позже – кто знает, давно этот несчастный живет тут, в замке. Спросить бы, хоть у того же «братца», так я же немая. Ох, мельник, ох, гад!

Мама моя не специалист по мозгу, вовсе нет. Но она врач, терапевт, в больнице скорой помощи работает. Наверное, как раз недавно вернулась с суточного дежурства и обнаружила, что я пропала. Возможно, решила, что я уехала куда-нибудь на выходные с Димкой – были такие планы. Так что она пока не волнуется. Если, конечно, Димка еще не позвонил ей. Где-то в парке осталась валяться моя сумка...

Возница щелкнул кнутом, и телега с клеткой проехала дальше, я провожала взглядом, пока она не скрылась. Беспамятный сидел неподвижно, опустив голову.

– Эй, ты, как тебя – Камита? Пойдем! – позвала меня вернувшаяся экономка.

А я уже забыла, Камита я или нет, только раз это имя и слышала. Какая разница, пусть Камита! Раз нельзя быть Линой.

Эвер сунул мне в руки объемный узел с вещами, что валялся на дне телеги. Надо же, мельник и приданым для меня озаботился, вот уж добрый дядюшка.

– Навещу тебя скоро, – опять пообещал Эвер.

Я ушла, не оглядываясь.

Хотелось, скорее уж, повидать того сероглазого сумасшедшего. Зачем? Да просто так. Может, и близко подходить не стану, а может, перекинемся парой слов. Интересный человек...

Эх! Какой парой слов, я же немая! Проклятый мельник!

Ну хоть бы у него все в порядке было, и то ладно. Раз ни в чем особо не виноват, только в том, что сбежал, наверное, его отпустят? Не первый же раз. Может, у него своего рода обострение болезни начинается, и тогда он убегает, а потом успокаивается?

– Спать будешь тут, – экономка указала мне место на длинной, метров десяти, лавке. – Узел под лавку клади. Да ты точно понимаешь меня?

Я кивнула и сунула узел под лавку.

– Одеjala, вижу, у тебя нет. Потом сошьешь, а пока не холодно, вон, дерюжкой укроешься. Переоденься, пойдешь коров доить, сегодня доярок не хватает. Поняла?

Я опять кивнула. Поняла-то поняла, да вот как их доят, тех коров? Нет, положим, кое-как я себе процесс представляла, теоретически. Не то что принцесса из старого мультфильма, которая, чтобы подоить корову, дергала ее за хвост. Но вряд ли это меня спасет, даже если я начну дергать не за хвост...

Экономка недовольно поморщилась и ушла. В узле нашлись юбка на завязках и кофта, простенькие и поношенные, но вроде чистые. Вообще, одежда, в которую нарядила меня знахарка, сгодилась бы тут за праздничную, «приданое» от мельника было плохонькое. И ни подушки, ни простыни, не говоря уж о комнате, пусть и не отдельной. Просто коридор и длинная лавка во всю его длину, безо всяких ширм и занавесок, и мне на этой лавке выделили немного места!

И ладно. Мне же тут недосуг задерживаться.

В коровник меня, по велению экономки, привела круглолицая девушка, она показала, где взять ведро, и вручила холщовое полотенце.

– Вот эта корова – хорошая, спокойная. Потом следующую укажу.

Я подавила панику в душе. Буду смотреть, как другие делают, и повторять. Тоже мне, проблема – корову подоить! Я девушка двадцать первого века, я такое видела, что здешний народ и представить себе не может. И есть же еще генетическая память, мои прабабки наверняка доили коров.

Корова меланхолично жевала. Я от души понадеялась, что он не чувствует, как я ее боюсь. Что там все делают? Так, надо зачерпнуть воды из общего ведра и обмыть соски корове, вытереть тем самым полотенцем. Потом я уселась на низкую скамеечку и отважно потянула за соски. Как бы не так! Никакого молока. Я стала действовать иначе, обхватила соски кулаками. Ага, вот оно, молоко...

Корова недовольно мыкнула. Или мне кажется, что недовольно? Ну прости, если что не так, моя хорошая.

Струйки молока брызгали в подойник, пока я не уронила разламывающиеся от усталости руки. Сил больше не было. Кто бы мог подумать, что это такая тяжелая работа?

Я отдохнула немного, размяла пальцы и снова взялась за дело – не тут-то было! Руки теперь болели немилосердно.

– Что ты возишься? – это подошла моя опекунша и удивленно смотрела на наши с коровой мучения. – Отвыкла, что ли?

– Да она и не привыкала, – бросила позади нас другая девушка, видимо, более наблюдательная. – Гляди, что делает! И на ручки ее посмотри, такие маленькие и нежные только у младшей лены, небось. Точно ничем тяжелее иглки не работала.

Я только сжала зубы. Иголкой, да. Видели бы, девочки, мою швейную машинку! Только кому это сейчас интересно...

– Вставай, – опекунша легонько толкнула меня в плечо. – Все равно тут от тебя толку не будет, это постепенно привыкать надо. И впрямь, какие ручки у тебя, детские прямо. Ну и ну.

– А нам за нее отдувайся? – возмутилась одна из доярок, остальные тоже загомонили.

– Ладно вам, – сердито крикнула женщина постарше, – она ущербная, не гневите Провидение.

– Это мы гневим? – уперла руки в бока невысокая кругленькая молодайка. – Это у Крысы совести нет! Платить – каждый медяк жалеет. А коса-то, коса, поглядите, это где же такие плетут? Смешно как! Ишь ты.

Ага, кругленькая она, потому что беременная. Месяц седьмой уже, наверное. В декрет пора, только тут ведь вопрос так не стоит? Крыса – это, надеюсь, экономка.

И тут же услышала негромкое:

– Да хоть с косой, хоть без, кому нужна такая?..

Ну разумеется. Я и не против. Мне бы отсюда... бегом! Домой. Я там молоко в магазине покупаю, в пакетах!

Вставая, я тут же увесисто получила от коровы хвостом по спине. Что ж, наверное, животное в своем праве, кто знает, каково было терпеть мое неумелое доение?

– Пойдем, молоко процедим, – сказала мне, вытирая руки о передник, та, что постарше. – Потом в сыроварне поможешь. Работала в сыроварне? Нет?.. Ну и ладно. Я тебе объясню. Пошли. Вон те ведерки возьми.

– Не боишься, Нилла? – заметила одна из доярок. – Намаешься с ней, может, она совсем бестолковая. А может, у нее припадки? Или еще что?

– Ну да, взяла бы Крыса припадочную. Небось лир не похвалит, ему одного недоумка хватает.

– Одного? Ой ли? С тремя мается! – фыркнула одна из доярок, на нее шикнули.

– Пошли-пошли, – сказала мне Нилла, – пусть болтают, ну их.

Оказалось, сыроварня – углубленный в землю домик с маленькими квадратными окнами, с каменным полом, чистый и прохладный. Там определенно оказалось лучше, чем в коровнике. По крайней мере, я справлялась. Мы с Ниллой процеживали молоко, которое приносили доярки, часть отправили на кухню, остальное заквашивали, куда-то переливали и переносили, снимали сливки. Мне пришлось долго крутить ручку какого-то примитивного деревянного устройства, которое, тем не менее, отделило от молока желтоватые и вкусно пахнущие сливки. Эх, кофе бы чашечку сюда свежесваренного! Определенно, эти сливки давали большую фору тем, что я покупаю в пакетиках к утреннему кофе, вот прямо чувствую, что очень вкусно! Или я просто проголодалась?..

Мы закончили. Хотелось одного – лечь. Или хотя бы сесть и не двигаться. Однако я принялась протирать пол, а Нилла вышла, но скоро вернулась с миской, полной каши, и краюхой свежего, теплого еще хлеба. Краюху она разломилась на две части, половину взяла себе, и нацепила в две чашечки сливок. Кашу всю подвинула мне.

– Вот, Камита, ешь. Я там сказала, что ты еще не все дела переделала. На кухню не ходи, вдруг еще работу подкинут. А нам на сегодня хватит, хорошо потрудились.

Ох, верно! У меня все тело ныло. Вот бы в душ! Здесь, конечно, не бывает душа?

– Исккупаться хочу, – заявила Нилла, – пойдешь со мной на речку? – она с наслаждением впиалась зубами в хрустящую горбушку.

Я с готовностью закивала. Не душ, конечно, но речка так речка. Лучше, чем ничего.

Когда я расправилась с кашей и хлебом со сливками, Нилла достала из сундука и бросила мне на плечо кусок холстины, такой же взяла себе.

– Это вытираться. Пойдем.

Интересно, когда в этом мире появятся махровые полотенца? Впрочем, какие пустяки – полотенца. Я бы первым делом соорудила тут душ – ведь чего сложного? А уж если еще и с горячей водой...

Сыроварню Нилла заперла на ключ. Мы прошли задворками до ворот, Нилла помахала стражнику, тот тоже махнул. А река была недалеко, густой камыш подступал вплотную к зам-

ковым стенам. Широкая дорога уходила в камыш к реке. Мы по дороге не пошли, а свернули на узкую тропинку, которая вела куда-то в сторону.

– Там тихая заводь, мало кто бывает, и деревья кругом, – сказала Нилла. – Чтобы не глазел никто, спокойно поплаваем.

Так и вышло. Удивительно хорошо было на речке, закат полыхал в небе всеми оттенками красного и золотого и отражался в гладкой, как зеркало, воде. Вспугнутая нами цапля поспешно отлетела в камыши, а еще какие-то мелкие птички у берега и не подумали улетать, просто отбежали в сторону.

Мы побросали одежду на поросший жесткой травой песок, нижнюю сорочку Нилла тоже сдернула, я последовала примеру. А куда деваться, купальники тут явно не изобрели еще.

– Плавать-то умеешь, не утонешь, а, Камита? – Нилла продолжала обо мне заботиться.

Я уверенно кивнула. Умею я плавать, очень хорошо умею.

Вода оказалась теплой, как парное молоко, и очень чистой, дно твердым, а заводь, к моему удивлению, вовсе не мелкой, шагов пять – и дно потерялось. Я немного отплыла, потом нырнула и коснулась под водой ноги Ниллы, та взвизгнула.

– Камита! Не пугай меня!

Я согласно кивнула, она расхохоталась.

– Знаешь, здесь раньше водяные найки жили! Утаскивали под воду!

Ага, значит, байки про русалок тут тоже рассказывают...

Мы вволю порезвились, и усталость дивным образом схлынула. Выбрались из воды, когда солнце уже закатилось, но небо продолжало полыхать.

– Посидим немного? – предложила Нилла. – В замок не опоздаем, глаза бы его не видели.

Я не возражала, тем более если не опоздаем.

Нилла вытерлась, вынула откуда-то из одежды крошечный флакон, вылила из него несколько капель и растерла по телу – запахло резко ипряно. Она протянула флакон мне:

– Это от кровососов. Натришь.

Я тоже растерла по плечам и рукам несколько капелек, прислушалась – все верно, комары вокруг звенели, посидеть в свое удовольствие без спецсредств и мечтать не стоило. Но у нас, как выяснилось, и спецсредства нашлись.

Одевшись, мы присели прямо на песок, Нилла сорвала гибкую травинку, пожевала ее.

– Вот что, Камита. Насколько я поняла, соображаешь ты вовсе не плохо. Верно?

Я кивнула. Да, в общем, соображаю, и хорошо, что это заметно.

– На людей не кидаешься, в припадках не бьешься – обычная девушка.

Я засмеялась, и Нила улыбнулась.

– Убегаешь, говорят, так мало ли, зачем и отчего. Убегаешь?

Я только пожала плечами. До сих пор не убегала, но теперь, может, начну?

– Дин вон, каждый год удрать умудряется, каждую весну. Как ни запирай, ничего не помогает. А потом успокаивается до следующего раза. В этом году именъ сторяча велел его в зверинце закрыть, там цепи, клетки – тоже не помогло.

Меня аж передернуло. В зверинце? Добрый какой именъ, душка просто.

Я не прочь была бы еще послушать о том странном парне, но Нилла сменила тему.

– Лучше бы тебе и правда быть уродиной, или припадочной, или кусаться, что ли, чтобы боялись, – она улыбнулась. – Шучу, шучу. Но будь осторожна. Покажешься еще кое-кому легкой добычей, и пожаловаться не сможешь, всякий отговорится, ты ведь и немая, и дура дурой. Тебя бы замуж скорее, чтобы было, кому защитить. Надеюсь, именъ так и порешит. Именъ Кер – он неплохой. Справедливый... как правило. Может, и приданое даст, будешь жить тут.

Я неловко улыбнулась, не соглашаясь и не отрицая. Вот всю жизнь мечтала, чтобы тут, и замуж! Не уж, мне – в столицу, к магу!

– А что коров доить не умеешь – подумаешь, – хохотнула Нилла. – Я, пока замуж не вышла, тоже не доила. Я в Андере жила, с матерью и братьями, у нас ткацкая мастерская была. Жили не бедно. А потом замуж вышла за княжеского десятника, вот и увезли меня в Аркаран. А теперь я и вовсе вдова.

Я тронула ее за руку и покачала головой, стараясь выразить сочувствие. Вот немота проклятая! Никому ничего не сказать, не спросить, только слушать. Задушила бы мельника...

И неужели эта немота – навсегда?! От одной такой мысли мороз по коже.

– Ты осторожна будь, – Нилла тоже погладила меня по руке. – Веди себя тихо. Тут люди не плохие, по законам живут. И дядя заступится ведь, если что, да?

Я усмехнулась невесело. Заступится, как же...

– Скоро зайвится молодой именин, вот от него тебя никто не защитит. Просто старайся ему на глаза не показываться. Такой... конь! – сказала она с чувством, так что сразу стало ясно, какие синонимы этому определению нашлись бы в русском. – Наезжает сюда не чаще двух раз в год, а детишек от него уже родилось то ли трое, то ли четверо, и в замке, и в деревне. Ему двадцать три, красивый. Лучше не попадайся. Скоро ленну Дану к жениху отправлять, вот он и приедет, провожать ее в Андер. Долго не пробудет.

Я кивнула – поняла, дескать.

– Лир Вантон, молодой именин, и ленна Дана – дети имени от первой жены. И есть двое от второй, тоже сын и дочка, семи лет и десяти. Ну так тех и не слышно пока, а вот старшие! – Нилла многозначительно рассмеялась. – Ленна Дана что хочет, то и творит, именин уже и рукой махнул. Возблагодарит Провидение, когда ее наконец замуж отдаст. А Крыска наша, небось, каждый день хвалу возносить станет, когда ленна Дана уедет. Хотя ленна сама по себе ничего, всяко лучше братца. Любовь у нее закрутилась в прошлом году с молодым именем одним, он просил руки, и подходящий вроде бы брак, так нет же – отказали. Лучшего жениха нашли. Он старше, но очень знатный, младший князь из Таума, посол Винеты при дворе Итсванского императора. Вот так и не захочется быть ленной, что толку в этом, когда тобой вертят, как хотят. Меня вот спросили, хочу ли замуж за моего Имана. А она должна делать, как скажут, и не пикни. Хотя привыкнет, станет важной лирой, ей и понравится, верно говорю?

Я опять только усмехнулась. Может, понравится, а может, и нет. Выходить замуж за старикашку для девушки само по себе неприятно, а если любимый есть – и вовсе. Лично мне хотелось lenne Дана только посочувствовать.

Мы помолчали.

– Свадьба – это хорошо, – Нилла мечтательно улыбнулась. –хлопотно, но хорошо. Весело будет. Наездников сюда на руках слетится, десятков пять, а то и больше. Интересно, станет ленна настаивать, чтоб на своем рухе до самого Андера? С нее станется. Тут на рушем дворе всего девять птиц было, три из них ленны Даны. Бедовая она девка. Теперь птиц на ферму отравили, там и ухаживать проще, и вылетывать, и чтобы ленна глупостей не наделала... опять же.

Птиц. Я даже отшатнулась. Рухи, на которых тут летают – это все-таки птицы?!

Птица Рух. Как же я сразу не догадалась, это из какой-то сказки. Или из сказок, потому что мне определенно не однажды попадалась птица Рух – в разных сказках. Огромная волшебная птица. Но у нас это сказки, а тут реальность? И откуда это пришло в наши сказки? Откуда?..

А еще тут есть драконы.

Небо уже потемнело, осталась лишь одна тонкая яркая полоса. Домой?..

Нилла проследила за моим взглядом.

– И верно, пошли. Поздно уже...

Удивительное дело, меня не укусил ни один комар. Ниллино средство бы да к нам, цены бы ему не было! Небось натуральное, безо всякой химии...

В замке Нилла проводила меня до коридора с длинной лавкой – сама бы я наверняка заблудилась. С двух сторон уже раздавался зычный храп. Я нащупала свой узел, не раздеваясь, вытянулась на лавке, покрытой только толстой рогожей, и успела лишь подумать: как можно спать на таком жестком...

Оказывается, еще как можно.

Следующий день, конечно, настал. И чуда не случилось, я по-прежнему была в замке Кер. В другом мире. И надеяться на то, что мне снится долгий и чрезвычайно дурацкий сон, пожалуй, все же не следовало. Потому что это явь. И переходы между мирами возможны. И я в другом мире. И я тут последняя чернавка, рабыня, немая и безумная, которая к тому же не умеет доить коров. Давай, Линка Остапенко, барахтайся, выгребай как-нибудь...

Этим утром меня отправили на кухню, помогать кухаркам. Конечно, как и следовало ожидать, огромный чан с водой и куча грязной посуды дожидались персонально меня. И еще сложенные в углу закопченные кастрюли.

В огромной кухне хлопотали четыре женщины, одна мешала что-то в большой кастрюле, другая месила тесто, третья чистила овощи, четвертая перетирала тряпочкой столовые приборы. Та, что овощами занималась – самая молоденькая, почти девчонка, остальные – рослые, пышнотелые, наверное, такими и должны быть поварихи. На меня поглядывали, тихонько переговаривались. Наблюдали, наверное, что делать стану, нет чтобы заговорить и подсказать! Наверняка же знают, что я немая, спросить не могу. Ну, ладно, как прикажете...

Попробовала пальцами воду в чане – чуть теплая. И что я отмою без мыла в практически холодной воде?

Я быстро огляделась. Не может быть, чтобы не было мыла.

Ага, вот тазик с песком. И еще один, там на донышке что-то черное. Я потрогала – похоже, зола. Средства на любителя, конечно, но годятся. Моя бабушка, любительница самодельных экологически чистых средств, тоже на даче только золой посуду мыла, и щелок сама варила. Спасибо, бабуля. Только благодаря тебе я сейчас не скисла.

Щелок! Он-то тут есть? Уж его-то точно раньше изобрели, чем при царе Горохе! Ага, а что это вон в том ведерке? Я сдвинула деревянную крышку и обнаружила под ней мутноватую жидкость. Не без опаски потрогала пальцами – да, похоже, он, дорогой мой. Щелок. Тут же зачерпнула ковшиком и вылила в чан. Кто его знает, какая нужна концентрация, но тот, что делала бабушка, надо было разводить примерно в десяти частях воды. Щелок просто готовить, надо залить полведра золы водой до краев ведра и настоять три дня, потом слить. Или кипятить пару часов – так быстрее. Отмывает и отстирывает не хуже средств из магазина. Так что щелок – дешевая и доступная штука, вряд ли здесь его экономят. Я отважно добавила еще пару ковшиков, потом набралась наглости и отлила в другое ведро кипятка из чана, что булькал на большой плите, и разбавила воду для мытья. Если нельзя – так и скажите, а я немая, как же мне спросить?..

Повязав вместо фартука полотенце, которое валялось рядом на столе, я бодро принялась за мытье. Радовалась. Справилась, смогла! Бабулечка, милая, великое спасибо тебе! А ведь над тобой соседи некоторые смеялись, у виска пальцем вертели. Но как иначе я бы узнала, что этот чертов щелок вообще существует на свете? Да я уже обычное хозяйственное мыло забыла, когда в руках держала, только какие-нибудь жидкости и гели. А в прошлом году вообще подарила нам с мамой посудомоечную машинку. Мама ворчала поначалу, что мне, дескать, денег девать некуда, но уже через неделю ей очень понравилось!

Перебив посуду, я сполоснула ее холодной водой. Теперь – котлы песком чистить? На них и смотреть страшно. Нет, понятно, что чистить надо, но почему это должна делать я?

Поварихи тем временем встали к столу разделять тесто на маленькие булочки. Ага, а это интересно! Дело в том, что я не слишком люблю варить борщ, а вот всё, что из теста – это мое. Те же булочки могу слепить десятком способов.

Я тщательно вытерла руки, подошла к столу, прихватив нож, подвинула к себе кусок теста.

– Эй, ты чего это, дуреха? – возмутилась одна из женщин.

Остальные поварихи почему-то уставились на меня так, словно я табуретка, которая вдруг начала сама гулять по кухне. Ну нет, это неправильно, я не табуретка!

В два счета, пока не прогнали, я изобразила из теста забавного зайчонка, потом рыбку и птичку. Чуть не сделала человечка, но спохватилась – вдруг какие-то обычаи это запрещают? Скажут еще, что колдовством занимаюсь, меня тут поначалу за нечисть приняли и вовсе ни за что, просто за костюм.

– Ладно, ступай работай, – буркнула та, что прежде месила тесто.

– Зачем, пусть остается, – велела другая. – Давай-давай, девка, покажи, что умеешь.

Вот, теперь понятно, кто здесь «шеф».

Когда я накрутила с десятков зверушек и принялась за цветы, третья повариха заметила:

– Это можно именно подавать перед охотой. Ему понравится.

А я-то думала, что это детская выпечка. Именно перед охотой, говорите? Ладно, сделаем так...

Следующая моя зверушка не так-то просто поддавалась идентификации, потому что напоминала льва, медведя и волка одновременно – короче, она была непонятным, но хищным зверем.

– Замечательно! – засмеялась главная. – А теперь давай-ка сделай побольше вот таких, ты вон как быстро с ними управляешься, – она показала на плюшки в виде сердечек. – Вита, займись лучше мясом к ужину, – это относилось к той, которая нашла применение моим булочкам-зверушкам, – а ты, Вей, принимайся чистить котлы. Не дуйся, это твоя работа, все равно у тебя лучше всех получается.

Последнее относилось к молоденькой поварихе – наверное, та была тут скорее поваренком, или, так скажем, кухонной рабочей, то есть более низкой квалификации, чем остальные. И чем я. Правильно, я этого и добивалась – не стать главной «золушкой».

Девчонка недовольно фыркнула:

– Разве это теперь не ее работа?

– Нет конечно, – отрезала главная, – раз она умелая пекарка, хвала Провидению. И это накануне свадьбы! Просто подарок, что тут скажешь.

Вей надулась, но промолчала, третья повариха согласно закивала, а та, которая занималась тестом, даже глаз не подняла. А я запоздало подумала, что с этой стороны тоже могут быть проблемы – местная «специалистка» примет за конкурентку, еще вредить начнет. А объясниться ни с ней, ни с кем-то еще возможности нет. Мне ведь даром не нужна карьера на кухне, мне нужно сблизиться со здешней барышней и уехать в столицу! С другой стороны, как я этого добьюсь, если только и буду делать, что мусор выгребать да прозябать на должности «подай-принеси». Нет, все правильно. Не хотела обижать девочку Вей, но мне к волшебнику надо.

– Умеешь замешивать сдобу? А заварное тесто? А рассыпчатое? А сбитое? А печенье, чтобы нежное было? – спрашивала меня главная, я кивала, а она расцветала с каждым моим кивком.

Заварное тесто – понятно, что, эклеры-профитролы, конечно. Сбитое – надо думать, бисквит, рассыпчатое – конечно, песочное. Все это я умела делать. Взбивать и замешивать, правда, предпочитаю в комбайне, но и руками справлюсь. А вот чем они заквашивают тесто? Дрожжей в брикетах или в пакетиках у них, понятное дело, нет. Как именно они делают домашнюю закваску? Надеюсь, готовая закваска уже стоит где-нибудь в погребе, но если самой при-

дется выкручиваться?! А разрыхлитель? На этой кухне есть сода? Стоп, а поташ? Другое вещество, но тоже разрыхляет тесто. Его готовят из золы! Да, может быть. У нас его так просто не купишь, хотя одно время мне очень хотелось, для пряников по особому рецепту. А какой здесь сахар? Я подписалась на то, что все умею, но еще в глаза не видела здешних продуктов! Надеюсь, яйца и мука обыкновенные, без неожиданностей. Молоко, сливки – обычные, уже убедилась, масло, вероятно, тоже. Но хуже всего, опять же, то, что я немая и не могу задавать вопросы и выяснять самые насущные для себя вещи!

Я уже жалела, что не послушалась совета знахарки и не договорилась с мельником сразу. Тогда, вероятно, он не стал бы применять ко мне свое купленное волшебство, и я не онемела бы. Насколько все было бы проще!

– Как тебя зовут, милая? А то я не запомнила. Напиши, – главная припылила стол мукой.

Я только развела руками. Оказывается, тут все грамотные – кроме меня. Еще один неприятный сюрприз.

– Да она глупая совсем, даже букв не знает, – сказала Вей. – То она умеет и это, как бы ни так!

– Замолчи, – одернула ее главная. – Все выяснится. Милая, закончишь с булочками – приготовишь что-нибудь, покажешь себя, поняла?

Я кивнула – поняла. Тут все к любому случаю жизни поминают Провидение, не уловила пока, что это такое, но надеюсь, мне оно тоже поможет.

Когда два внушительных размеров противня оказались в духовке, мне выдали продукты: муку, яйца, масло, бурого цвета булыжник, который оказался сахаром, какие-то специи, которые я решила только понюхать, один порошок напоминал корицу. Была еще солонка и флакон с сероватым порошком, который скорее всего и был разрыхлителем для теста. А может, и не был. Я его пока осторожно оставила в сторону – потом разберемся. Был еще горшочек с какими-то ягодами, кисло-сладкими, похожими то ли на бордовую малину, то ли на ежевику.

Я решила приготовить пирог из крошки-штрейзеля, он и без разрыхлителя получается вкусным и рассыпчатым. Простой, дешевый и вкусный, его бабушка когда-то часто готовила. Случалось, я приходила из школы – и он был, только из духовки, аромат уже в дверях сумасшедший! Сахар пришлось толочь в ступке, но это мелочи. Бабушка, родная, и за это тебе спасибо!

Отправив пирог в большой круглой форме в духовку, я чувствовала, что трясусь, как заячий хвост. Ведь печку такую тоже впервые вижу, мало ли что?!

Провидение не подкачало. Пирог получился, как говорится, «самое то». Попробовав кусочек, наша «шефиня» даже в ладоши захлопала.

– Ну надо же! Где ты раздобыла такой рецепт? Где ты жила раньше, милая? Надо же, как необычно! Как вкусно!

Кажется, ее впечатлил сам принцип: рассыпчатый пирог из сладкой крошки. Видимо, в этой местности такое не готовили. А на неудобные вопросы все равно не отвечать – я ведь и немая, и неграмотная. Дуреха, в общем.

Половину пирога тут же растащили по кусочкам, досталось и Нилле, которая как раз принесла на кухню большую головку сыра.

– Ну вот, – она рассмеялась, – думала, будешь моей постоянной помощницей, а не выйдет. Отпусти теперь Камиту до завтра, тетушка Ола? Экономка мне ее обещала сегодня к вечеру.

Выходит, главную повариху зовут тетушка Ола.

– Ступайте, – махнула та рукой, – Камита, значит. Небось запомним...

Повторного предложения нам не требовалось.

– Сходи за чистой рубашкой, потом на речку пойдем, – посоветовала Нилла.

В «моем» коридоре с лавкой было пусто, тихо, сумрачно и довольно пыльно. В самом углу кто-то спал, прикрывшись простыней до самого носа, виднелись только черные волосы. Я выдернула из узла сорочку и тихонько, на цыпочках, вышла.

Во дворе меня дожидался – кто бы, вы думали? Эвер, мельников сын, собственной персоной.

– Лина, – воскликнул он, заулыбался, потом смущенно поправился, – Камита...

Парень достал из свертка что-то вроде большого пряника, протянул.

– Это тебе, Камита...

Я оттолкнула его руку, покачала головой – уходи, дескать. Он вспыхнул.

– Ты не поняла. Я просто... мы же не чужие!

Я усмехнулась. Ну да, ну да. Родственничек.

– Ты не поняла, – повторил он. – Я на тебе жениться хочу. Отца уговорю, не беспокойся.

А?

Вот это да. Всю жизнь мечтала.

Я показала рукой на себя, на него, отрицательно покачала головой и отвернулась.

– Ну я еще приду! – воскликнул он. – Завтра, ладно? Тебя тут не обижают? Если что, я...

Оказывается, к нам незаметно подошла Нилла.

– Правильно, иди, – посоветовала она мельникову сыну, – некогда нам тут.

Он сунул ей в руку свой пряник и убежал, она расхохоталась.

– Ты чего, Камита? Зачем парня гоняешь? Не самый ведь плохой жених. А тебе надо замуж.

Я с досадой посмотрела на нее.

– Видный, не бедный, семья хорошая, – продолжала она забавляться. – Многие девушки порадовались бы на твоём месте. Ладно, ладно, не хмурься! Провидение все решит.

Позже, когда мы занялись делами, она опять заговорила.

– Тут такое дело, Камита. Если покажешь себя, как надо, получишь место пекарши Витины, она уезжает в Андер с ленной Даной. Да только хочет потом вернуться. Что, там у князя на кухне работать некому? Ленна Дана раскапризничалась, что не может жить без Витинных сладостей, именъ и согласился, чтобы отстала. Это при том, что ленна сейчас ест, как птичка, а выпечку и в рот не берет. Нрав показывает...

Я услышала лишь про Андер, и ушам не поверила. Туда отправляют пекаршу, место которой могу занять я! И ехать та не хочет. А почему тогда мне не поехать?

Наверное, забавно было наблюдать, как я жестами и мимикой объясняла Нилле, что мечтаю отправиться в столицу. Она, наконец, догадалась:

– Хочешь ехать с ленной Даной? А зачем тебе, так далеко от дома? Трудно будет.

Я изобразила умоляющий взгляд, сложила руки на груди. Помоги, подруга, пожалуйста!

– Ладно, – нехотя согласилась та, – я тетушке Оле скажу, пусть с экономкой переговорит. Ты бы очень не рассчитывала. Говорю же, не нужна ленне там пекарка, вредничает она просто. Наплачешься с ней.

А вот на это мне было наплевать. Не нужна ей пекарка – а я и не собиралась у нее на кухне трудиться. Пусть только отвезет в столицу, к моему Гудвину... которого зовут Гвент Мун. Права была знахарка, имя мага я не забывала.

Нилла махнула рукой и надолго замолчала, лишь кратко давала мне указания.

Говорят, что в каждой избушке свои погремушки. Ну и пусть. Что мне до чужих «погремушек»? Мне – домой бы...

Глава 3. Дин и Дана.

Я уже легла, и слушала, как в углу настырно пилил сверчок. Масляный светильничек моргал рядом, по углам жались осторожные тени. Пора гасить свет и спать...

Когда-то давно у нас на даче тоже жили сверчки. Лично мне, маленькой еще, они никогда не мешали спать, напротив, я чувствовала себя как в сказке, придумывала, зачем сверчки «сверчат», что рассказывают. И представляла их тоже по-сказочному: в маленькой шляпе и со скрипкой. Когда дядя Гоша однажды поймал и показал нам, детям, сверчка, очень удивилась: вот это – тот самый?..

Последние годы дачные сверчки куда-то пропали, перевелись.

Я была уставшей, но сон не приходил. На лавке в ногах сохла выстиранная сорочка – некуда было повесить. Легла я опять одетая, конечно – как тут разденешься, если спать приходится в проходном месте.

Вдруг неподалеку кто-то застонал. Укладываясь уже в потемках, я не стала приглядываться, кто тут еще есть. А стон ... ну бывает, стонут люди во сне.

Вот, опять... Жалобный какой-то, больной стон. Кажется, кому-то плохо.

Посомневавшись, я все же встала и, прихватив светильник, пошла вдоль лавки. Сегодня в «спальне» оказалось нелюдно, на лавке лежал только один человек. Я наклонилась к нему, и едва сдержала возглас...

Тот человек из клетки. Сумасшедший Дин. И я обрадовалась, что подошла.

Он опять завозился, глухо застонал сквозь зубы. Очень осторожно я коснулась пальцами его щеки – щека была слишком горячей. У парня определенно повышенная температура. Простуда?

Я присела на корточки рядом, при этом нечаянно задев коленом край простыни, и простыня сползла, обнажив его плечо. А Дин опять застонал.

Его плечо покрывал рисунок из пересекающихся полос.

Рисунок, ха.

Я уставилась на эти полоски, пытаюсь осознать. В общем, все было очевидно, но, видимо, для меня слишком дико. И я откинула простыню.

Вся спина Дина, воспаленная и опухшая, была густо исчерчена багровыми линиями. Там, где линии пересекались, я увидела подсохшую, размазанную кровь.

Колючая холодная дрожь сыпанула по мне от шеи до поясницы. Провидение! Это я увидела впервые – когда человека вот так выпороли. Беспомощного. В наказание. До крови, до жара. И бросили тут, без помощи. И никого это не волнует. Безумие какое-то.

Что же делать? Ох, Дин. Ну что за сволочь это с тобой сделала?

Впрочем, наверняка все санкционировано местным начальством, то бишь – именем и Ко. То есть законно.

Он сумасшедший, так ведь говорили? Ничего себе метод лечения.

Губы Дина были сухими, потрескавшимися, дыхание неровным. Напоить – это первое. Когда температура, надо пить.

У меня была вода в пузатой бутылке, запаслась заранее. А дальше? Не было ни чашки, ни ложки, да и с ними, наверное, было бы не слишком удобно. Надо бы приподнять Дина, или перевернуть – но не хотелось причинить боль. Я сложила ладонь лодочкой, налила воды туда, пролила каплю ему на губы – он жадно облизал их. Ну, дорогой, давай...

Он нашел воду губами, глотнул, я снова наполнила «чашку», он и это выпил.

Ну, дорогой, может, приподнимешься? Или слишком больно?..

Если бы я могла это спросить вслух, или вообще что-то сказать, может, мой голос как-то привел бы его в чувство. Так нет же, я могла только мычать, поэтому помалкивала.

У себя дома я без проблем нашла бы таблетку, способную как-то помочь. Понятно, что таблеткой тут не обойдешься, раны на коже тоже надо как-то залечивать... наверное. Я нисколько не врач. Я спросила бы у мамы. Мазь от ожогов подошла бы? У меня есть. Дома, как и таблетки. А здесь – ничего, кроме воды!

Глоток за глотком Дин выпил половину моей бутылки, после чего открыл глаза и взглянул на меня мутным взглядом, и тут же его веки опять опустились.

Надо раздобыть лекарство. Наверняка здесь лечат травами и прочими народными средствами, и есть специалисты – лекари, знахарки, ведьмы на худой конец! Да хоть бы и Митрина, но добраться до нее для меня нереально, особенно ночью. В замке, конечно, есть кто-то, умеющий лечить. И потом, каждая наша женщина держит дома аптечку, чтобы не бежать в аптеку из-ка каждого чиха, а здесь? Наверняка так же.

Значит, Нилла?.. Она спала прямо в сыроварне, в каморке за занавеской, кого-то еще я просто не найду.

Но сначала я принесла ледяной воды из колодца, намочила свою так и не просохшую рубашку – где среди ночи найти что-то еще? – и сделала Дину холодный компресс на спину. Легче ему должно стать, хоть ненадолго. Насколько помню, так одна сердобольная лечила наказанных рабов в книге «Хижина дяди Тома», читанной мной когда-то в детстве.

Нилла, к счастью, еще не легла, сидела возле тусклой лампы и шила. И очень удивилась при виде меня.

– Камита? Чего тебе не спится?

Я показала на флакон у нее на шее и попыталась с помощью жестов изобразить, что нужны жаропонижающее и какая-нибудь заживляющая мазь. Однако искусство пантомимы мне чуждо – Нилла только хлопала глазами.

– Камита, что ты? На речку собралась? Не дури, тебя не выпустит стража.

Я потянула ее за рукав, зовя с собой, она пошла. Увидев Дина, ахнула, всплеснув руками.

– Как же так? Почему он тут? Ну и дела...

Состояние парня ее почему-то не сильно удивило. Впрочем, когда я меняла холодный компресс и она разглядела его спину, то опять не сдержала возгласа.

– Ох, ну надо же! Как его на этот раз!

Из чего напрашивался вывод, что бедняге «прилетало» регулярно, но в меньшем количестве. И об этом все прекрасно знали.

Я вновь показала Нилле на флакон у нее на шее и на Дина, теперь она поняла.

– Конечно, Камита, лучше lenne Дане сказать, у нее получше снадобье найдется. Самой мне наверх нельзя, кого бы послать? И чтобы Крыса не узнала, она в это время еще по замку шастает.

Как только прозвучало имя ленны, Дин приоткрыл глаза и посмотрел на нас. И прошептал:

– Дану... позовите...

– Жди тут, – велела Нилла и быстро ушла.

Я присела рядом с Дином, осторожно провела пальцами по его щеке. Как ни странно, поведение Ниллы меня немного успокоило – она не нашла, что положение парня опасно, просто проходная неприятность. По крайней мере, так казалось. Но почему температура повысилась? Так всегда бывает? Повышение температуры – ответ организма на воспаление. Или ему инфекцию занесли, кнут ведь был нестерильный, надо думать... или чем там его били... и кого били этим же незадолго до...

Да уж, мысли дочки врача из двадцать первого века! Услышь их кто здешний – у виска покрутит. Мельник верно поступил, объявив меня полудуркой, за умную тут и не сошла бы, точно.

Открытых ранок множество. Антибиотики нужны, интересно, или иммунитета хватит? Вопрос риторический, какие уж тут антибиотики. В лучшем случае травок заварят.

Я сменила холодный компресс на спине Дина. Колодезная вода по-прежнему была обжигающе холодной, как бы не простудить беднягу. Мой собственный холодный озноб почему-то не проходил. Наверное, от понимания, что со мной в подобной ситуации тоже церемониться не станут. Кто я? Полностью бесправное существо, рабыня на двадцать лет. Что такое двадцать лет? Вся жизнь, может быть. Не хочу прожить ее тут, не хочу, не хочу...

Дин вдруг пошевелился, взял мою ладонь и сунул ее себе под щеку. Понятно, она холодная, а щека – очень горячая.

– Спасибо, – сказал парень тихо, – как тебя зовут? Ты кто?

Я только вздохнула. Кто-кто... Дед Пихто.

Он, Дин, теперь рассматривал меня, слегка повернув голову. И глаза его уже были не такими мутными, в них появился интерес. Лучше стало?

И где же бродит эта Нилла?..

Я легонько погладила Дина по волосам и осторожно освободила руку, он сначала не отпускал, потом сдался. Слабо улыбнулся и, кажется, собрался что-то сказать...

Вот тут-то и началось.

– Ты почему здесь? Кто тебе позволил здесь находиться?! Зачем мешаешься, куда не просят?! Убирайся, без тебя все сделают!

Это нелегкая принесла Крысу, то бишь экономку нашу всеми любимую.

Дин закрыл глаза, точнее, он зажмурился. А я, как бы помягче выразиться... офигела, и от неожиданности, и от претензий. Впала в ступор. Кто мне позволил быть здесь? Она сама, кто же еще, она меня на эту лавку и поселила! Куда я мешаюсь?.. Помогаю больному – это нельзя?..

Кто тут «все сделает» без меня, что-то никого не видать?

– Как смотришь, как смотришь?! Ну что за нахалка? Тебя не учили, как себя вести девушке твоего положения?

Как я смотрю? Ну верно, уставилась на нее с возмущением, а как на нее еще смотреть в такой ситуации? Наверное, все же хорошо, что я немая, а то бы еще и сказала... что-нибудь.

Просто сумасшедший дом.

Дальнейшее понеслось по тем же рельсам, то есть ощущение сумасшедшего дома лишь нарастало, потому что в другом конце коридора появилась еще одна персона. Она стремительно подошла, неся перед собой светильник без стекла – вцепилась в него обеими руками так, словно боялась уронить. Молоденькая девушка, лет шестнадцати-семнадцати, как мне показалось. В ее глазах, кажется, притаилось по молнии, готовой выпрыгнуть и дотла испепелить вредную тетку-экономку.

– Что это такое? Что это значит, Нона?

– Все в этом доме значит лишь, что приказы твоего отца исполняются в точности, ленна Дана! Всеми, кроме тебя.

Девушка, стало быть, здешняя барышня. Вот и познакомились.

– Мой отец не приказывал ничего подобного, точно знаю!

– Кто бы осмелился его ослушаться?

– Не говори чушь, экономка! Что ты ему скажешь, если Дин умрет?

– Дин не умрет. Он отдыхает, о нем заботятся!

На этом моменте я снова выпала в осадок. О бедняге заботятся?! Кто?.. Ну ладно, не будем об этом. Но – он отдыхает?! Так это ему от чьей-то большой доброты позволили тут поваляться, чтобы отдохнуть?..

– Кого еще ты поставила о нем заботиться?!

– Это вполне прилежная девушка.

Они говорят обо мне?..

– Ленна, тебе запрещено даже приближаться к дурачку! Это приказ имени! Иди к себе!
– Но ты-то не имени, чего мне приказываешь? Я все расскажу отцу. Я расскажу ему, как вы чуть не уморили Дина! Что он с вами сделает, как считаешь?

– Он в своем праве, но мы не виноваты! Иди к себе, ленна Дана!

– Ты бы радовалась, случись что с Дином! Я все расскажу отцу! Он не простит вам Дина, никому не простит!

– Его наказали, как положено! Я доложу имени, что ты не желаешь слушаться его приказов!

Барышня все норовила обойти экономку и приблизиться к Дину, но Крыса сноровисто преграждала ей дорогу.

– Вот когда имени мне прикажет, я и буду его слушаться! Пошла вон, не мешай!

– Я доложу имени!

– Да пошла же вон. Убирайся, наконец, чтобы я тебя не видела! До самого утра!

Я переводила взгляд с одной на другую, норовя отодвинуться к стене как можно дальше. Дин не шевелился и глаз не открывал. Если в самом начале действия барышня разговаривала не слишком громко, а Крыса повышала голос, то теперь наблюдался обратный процесс: экономка постепенно снижала децибелы, а вот ленна – та уже орала, да чего там – визжала так, что мне все больше хотелось зажать руками уши.

– Ты бы радовалась, если бы с Дином что-то случилось!

– Ленна, это не так. Я сейчас позову стражу. Ты должна выполнять приказы имени!

– Вот приедет и прикажет – выполню!

– Я сейчас позову стражу.

– Пусти!

– Я сейчас позову стражу! Уходи.

И так еще некоторое время – громко и ни о чем.

Я потеряла виски пальцами. Ну зачем, зачем Нилла решила звать барышню? Без нее Крыска уже давно уползла бы восвояси. Ну повоспитывала бы меня, ограничилась словесным внушением... очень на это надеюсь. А теперь? Сплошной сюр и никакого толку. И ленна Дана эта не охрипнет никак... ну и глотка у девушки. Наверное, уже все тараканы по углам передохли.

– Ленна Дана, я уже иду звать стражу! Видишь – уже иду!

– Да катись! Не дождусь никак! Проваливай!

– Ленна Дана, я уже иду! – тем не менее она по-прежнему резво прыгала, не пуская барышню. – Не позволю вам нарушить приказ имени, ленна Дана!

Мне подумалось: пусть их... развлекаются. Когда-нибудь или та или другая остановится, или от усталости свалится. Помоги, Провидение, убери отсюда этих двух дур!

Не обращая больше внимания на представление, подошла к Дину, присела рядом, потрогала его щеку. Горячая... Эх, все же сюда бы парочку таблеток из аптечки, или укольчик – чтобы он поспал. Ему же так больно, наверное, и пошевелиться трудно. Эх, тебя бы, Крыса, уложить отдохнуть. Или имени – еще лучше.

Я сняла компресс, намочила в ведре, приложила опять. Дин пошевелился, не открывая глаз, нашел мою руку и легонько пожал пальцы. Я в ответ погладила его по руке и выпрямилась. О чудо – ор прекратился. Здешнее Провидение так быстро отзывается на просьбы?

– Кто это? – ленна сверлила меня взглядом.

– Рабыня-полудурка, которую мельник отдал в счет долга твоему отцу. Прилежная девушка, хотя плохо воспитана.

– Годится. Я сама плохо воспитана. Я ее забираю себе. Пошли! Ты теперь моя, – она махнула мне рукой.

Вот тебе и нате. Кажется, именно об этом я и мечтала последнюю пару дней? Подобраться к барышне, уехать с ней в столицу! И не знала, как подступиться к этой задаче. А тут раз, и... Почему мне не хочется прыгать от счастья?

Или хочется?..

Но я стояла и тупо смотрела на барышню.

– Ленна, твой отец не позволит. Она полудурка.

– Как тебя зовут? – спросила ленна, даже не взглянув на экономку.

Та, вместо того, чтобы пояснить, почему я не могу ответить на вопрос, ехидно молчала.

Я постучала пальцами по губам и покачала головой.

– Ты немая?..

Я закивала.

А ну как ленна от меня сейчас откажется? Ну вот не нужна ей немая служанка!

– Ну ты же не совсем дурочка, нет? – она смотрела с интересом.

Я усмехнулась и помотала головой.

– Вот и отлично, пойдем. Ты моя и слушаться должна меня.

– Ленна, твой отец не позволит, – опять вступила Крыска. – Ты посмотри на нахалку!

Эта девка не годится для...

– Вот когда не позволит, он мне об этом скажет, – отрезала барышня. – Иди уже за стражей. Сколько можно ждать? Я уйду. И вот что, ей не смей мешать подходить к Дину, поняла? Если вздумаешь, такое устрою, проклянешь все на свете. Тебя заберу с собой в Андер, поняла? Будешь там у меня лестницу мыть!

– Это невозможно, ленна. Твой отец... – Крыса выразительно посмотрела на меня.

Я ее понимала: она, как ни крути, здесь начальница, и уступать взбалмошной девчонке, пусть и хозяйской дочке, в моем присутствии ей не камильфо. Потому старалась безучастно смотреть мимо. Ленна только усмехнулась.

– А я без тебя замуж откажусь выходить, поняла? Так что будет возможно. И тогда скажешь спасибо за лестницу! Смотри не вздумай ей мешать, я проверю! – ее голосок снова взметнулся вверх. – И пошли за знахаркой, чтобы к утру была тут!

Экономка, чуть помедлив для приличия, молча кивнула.

Я показала на Дина и умоляюще сложила руки на груди, не придумав, как еще сказать, что ему не помешает какая-никакая медицинская помощь – сейчас, а не утром.

– Иди за мной, – повторила ленна Дана.

По каким-то мрачным лестницам мы поднялись на третий этаж, здесь тускло светили настенные светильники. Чьи-то руки услужливо распахнули перед нами двустворчатые двери. В комнате ленна тут же повернулась ко мне.

– Значит, так. Утверждаешь, что не дурочка? Лекарство сможешь дать?

Я кивнула. Это точно смогу, если, конечно, мне не предложат самой приготовить его из крысиных хвостов и лягушачьих лапок.

– Вот, возьми, – она вынула из складок юбки широкий флакон с притертой пробкой, сунула его мне в руки. – Это мазь, она боль снимает и охлаждает. Митрина готовила... знаешь Митрину? Как тебя зовут? Напиши, вон там! – она показала на стол с письменным прибором в глубине комнаты.

Я со вздохом покачала головой.

– Не умеешь?.. – кажется, ленну это заинтересовало, – ладно. И вот еще, – она сняла с полки широкий плоский ящик, быстро перевернула его содержимое – ну где же, где... Ага, вот. Это развести в воде и дать выпить, два раза. Сможешь?

На мои кивки она даже не обратила внимания.

– И эта настойка. Десять капель на один раз. Давать каждый час, поняла? Побудь с Дином, пока ему не полегчает. Хорошо?

Надо же, она не приказывала, она просила. Во всяком случае, такой тон сошел бы и за просьбу. И вообще, у себя в комнате ленна Дана разительно переменялась, она теперь казалась нормальной, деловитой, спокойной. Если бы я не слышала, что это она только что визжала на экономку...

– Утром придешь сюда. Угу? И где твои девичьи бусы? – ленна мельком взглянула на меня и подцепила пальцем свои бусы, точнее, одни из бус.

Интересное это было украшение: пять одинаковых крупных узорчатых шариков, прозрачных, как из хрусталя, больше двух сантиметров в диаметре, перемежались мелкими, с горошину.

– Или с тебя их сняли? – ленна нахмурилась. – Была причина?

Вот еще новости. Сняли девичьи бусы – это что значит? Ни Митрина, ни добряга-мельник не просветили меня насчет этой детали. И, наверное, это плохо, даже можно строить гипотезы, почему. Может, их с гулящих девок снимают, или что-то вроде того?..

Я решительно покачала головой – нет, не сняли.

– Я просто хотела узнать, сколько тебе лет. Так сколько?

Так бы сразу и спросила. Я отложила лекарства и показала на пальцах: два раза по десять и один.

– Двадцать один? – Ленна удивилась. – И тебя до сих пор замуж не выдали? Что, потеряла бусы? Может, у тебя их украли?

Дались ей эти бусы! Я решительно кивнула – да, потеряла! Украли!

– Значит, так, – она усмехнулась. – погоди, сейчас я тебе дам. Красивые, понравятся! Мне их жених прислал. Не побоишься носить? Отец разозлится... а может, не заметит. Он на украшения внимания не обращает. А Нона будет беситься. Ну, наденешь? Не побоишься?

Вот так, значит. Барышня находится в состоянии постоянной войны с эконожкой и родственниками... точнее, может, и не войны, но бесить их – ее любимое удовольствие. И она вербует меня в свое «воинство».

В сущности, мне это не нравилось. Но я согласно кивнула, глядя в глаза ленне – не боюсь, милая, ты только отвези меня в Андер, к моему магу!

Она тут же метнулась в соседнюю комнату и принесла парчовый мешочек, вручила мне.

– К утру нанижи и надень! Тебе нужно восемь, тут десяток. Вельта!

На зов из другой двери тут же выскочила молоденькая девчонка.

– Ступай к Ноне. Спроси у нее, наконец, как зовут мою новую служанку. Скажи Ноне, что я велела ей прийти ко мне с утра, и что я дала ей бусы и велела надеть!

Ого, а вот это мне понравилось. Ленна не собиралась перекладывать на меня ответственность! За это уважаю.

– Ты еще здесь? – она махнула рукой, – иди уже, поторопись!

Ну наконец-то.

Возле Дина сидела Нилла, рядом с ней на лавке слабо теплился масляный светильник.

– Принесла? – она вскочила. – Давай, помогать буду.

Она уже принесла из кухни чашки, ложку, кувшинчик с ягодником – так здесь называли отвар из ягод и трав, иными словами – тот же компот, в который для пряности добавили трав. Казалось, я отчетливо слышала запах душицы и меда. Вкусно.

– Попьешь? – предложила подруга. – Ола приготовила на утро.

Я отмахнулась, это и потом успеется. Первым делом смазала спину Дина мазью, она и правда немного холодила, и кончики пальцев, о чудо, слегка онемели. Точно подходящее средство.

– Это балистник, дорого стоит, не разливай зря, – заметила Нилла, понюхав пробку, – но хорошо лечит. Я его покупала раньше, махонькими флакончиками. Еще когда у детей зубки режутся, тоже годится.

Что ж, может, я и была излишне щедрой. Зато скорей подействует. И барышня не предупреждала, что надо экономить.

– Имень рассердился бы, наказанных не лечат балистником, – продолжала мимоходом просвещать меня Нилла, размешивая порошок в чашке с водой. – Иначе какое же это наказание – пустая трата времени...

Да-да, подруга, я уже поняла, что у вас тут на редкость гуманное общество. Но имения вашего тут покуда нет, и слава... Провидению. И доброй ленне Дане.

– Горько. Думаешь, он выпьет? – Нилла лизнула полученное зелье.

Я вытерла руки от мази, взяла чашку, тоже попробовала капельку. Да, гадость. Что это, хоть примерно? Но все равно, надо дать лекарство, раз ленна так считает. Я-то совсем профан в местной медицине, так что поостерегусь брать ответственность и отменять назначения «специалиста». И потом, больной в сознании, и не маленький ребенок. Должен выпить, потому что надо, верно?

Он то ли спал, то ли пребывал в забытии. Я провела по его щеке, колючей, небритой. Ну же, проснись?..

Нет, никак.

Тронув пальцем губы, посмотрела на Ниллу – дескать, поговори с ним. Она поняла, наклонилась к Дину, заговорила, затеребила его.

Дин нехотя открыл глаза, мутно посмотрел на нас, несколько мгновений спустя его взгляд прояснился. По Нилле он лишь скользнул, на мне задержался.

– Ты... ты кто, найка из речки? – спросил он хрипло и закашлялся.

– Эй, болезный, тебе так похорошело, что уже начал девке глазки строить? – фыркнула Нилла и щелкнула его пальцем по щеке. – Видишь, Камита, а ты переживала. Вот, приподнись и выпей, это лекарство! – она сунула ему под нос чашку.

– Камита, – повторил Дин медленно, словно пробуя на вкус каждую букву имени. – А где Дана?

– Она не придет, ей имень запретил к тебе подходить, – пояснила Нилла. – Она к свадьбе готовится. Видно, имень боится, что станешь мешать... мало ли что вы с ней учудите?

– Я понял.

А я вот зато ничего не поняла. Дин и ленна Дана? Что-то учудят? Так ленна вроде влюблена была в молодого имения, при чем тут Дин? Однако ленна передала мне лекарства для Дина, ругалась из-за него с экономкой. Они дружат, дочь хозяина и местный Иванушка-дурочок?

Морщась, Дин приподнялся на локтях и в два глотка выпил зелье из чашки.

– Даже такая дрянь из твоих рук, Нилла... Воды можно? – он скосил глаза на меня.

Я налила в чашку ягодника, поднесла к его губам.

– А иначе – можно?..

– Чего тебе иначе? – не поняла Нилла.

Я усмехнулась и прижала к его рту край чашки. Он улыбнулся и выпил травника.

– Спи теперь, – сказала Нилла. – Сейчас крепко уснешь, а к утру легче станет. Спи.

Он послушно закрыл глаза и, действительно, скоро уснул, задышал ровно и глубоко.

Настойку из пузырька надо давать каждый час. Будить? Это ладно, но что такое здесь час? Это я пока не выяснила. Час – просто единица времени, может быть и длиннее нашего земного часа, и короче. А ленна и не подумала дать мне часы, значит, была уверена, что я и сама найду, чем отмерять время. Но я пока не видела здесь часов.

Часы в смартфоне. Может, сгодится? Достать его на глазах у Ниллы? Я решилась. Вроде ей можно доверять, заодно посмотрю на ее реакцию...

Реакция превзошла мои ожидания – Нилла чуть не подпрыгнула.

– Что это?! Магический кристалл?

Я махнула рукой – не бойся, дескать, – и показала ей выведенное на экран изображение часов, классических, с стрелкой.

– Ты магичка?!

Я покачала головой.

– Это не опасная вещь? Лучше убери, я сейчас принесу тебе часы!

Ага, даже так. Я погасила экран, прижала палец к губам, просительно взглянув на подругу.

– Никому не скажу, – пробормотала та, – а ты лучше никому не показывай лишний раз, отнимут. Магические вещи так дорого стоят!

Разумный совет, что тут скажешь. Кстати, я ведь ожидала, смартфон будет почти разряжен, но индикатор показывал почти полный заряд! Да он не был полным уже тогда, когда я шла на работу в то злополучное утро!

А потом мой телефон подержала в руках Митрина, и он включился сам. И зарядился. Вот и пойми-разбери, какое отношение имеет к электричеству местная магия!

И еще Нилла, простая женщина, не упала в обморок, увидев такую необычную вещь. Просто решила, что вещь магическая, и посоветовала спрятать, чтобы не отобрали. Как много всего тут можно списать на магию...

Нилла принесла мне песочные часы, самые обычные: стеклянная колба с тонкой «талией», заключенная в деревянный футляр-основание.

– Вот, переворачивай каждый час... – и сама поставила часы возле лампы, песок тут же потек вниз.

Движение песка в песочных часах завораживает. Дома на моем столе тоже стояли песочные часы, красивые, сделанные под старину, и тоже рассчитанные на целый час – уж и не знаю, где раздобыл их мне в подарок мамин брат дядя Гоша. Мама тогда заявила, что это ненужная вещь и бесполезная трата денег. Но мне почему-то всегда нравились бесполезные вещи.

Нилла уходить не спешила, напротив, она сбросила башмаки и забралась с ногами на лавку, так что лампа и часы оказались между нами.

– Удивляешь ты меня, Камита, – она хмыкнула. – Поначалу казалась недотепой, да и дядька твой тебя полудуркой представил. А оказывается, вон, магическими вещами пользуешься. А грамоты не знаешь. Дин вон, кстати, и то читать и писать умеет.

Я только улыбнулась и достала Данины бусы. Хоть до меня и дошло уже, как их надо нанизать, но все же, может, не все дошло, а Нилла наверняка точно знает.

Она высыпала бусины на ладонь – граненые, красивого, густого винно-красного цвета.

– Ого, красота какая. Тебе девичьи бусы надо нанизать? И впрямь, я все не решалась спросить, почему ты их не носишь? Помочь, что ли? – она удивленно покосилась на меня. – Вот и говорю, странная ты, простых вещей не знаешь. Тебя словно дракон с луны принес.

А у нас с луны падают, или валяются. Дракон, должно быть, доставляет с луны намного комфортнее.

В мешочке с бусинами нашлась и вошенная нить, Нилла принялась ловко нанизывать на нее мелкие бусины.

– Тебе сколько лет, Камита?

Показала ей на пальцах, так же, как барышне: двадцать один.

– О, так много? Ну и ну. Тебе нужно восемь бусин, – она отсчитала восемь крупных.

С этим понятно: количество девичьих бусин на шее девушки зависит от возраста, а именно на сколько лет она старше тринадцати. В четырнадцать лет, должно быть, надевают одну крупную бусину среди множества мелких, и добавляют с каждым годом. У ленны Даны

крупных бусин пять, значит, ей восемнадцать лет, а мне надо восемь, потому что тринадцать и восемь будет двадцать один.

– Ты ведь сирота? – я кивнула, и Нилла продела нить сквозь несколько мелких бусин так, что получилась петелька. – А родные братья у тебя, может, есть? Сколько?

Я мотнула головой – нет, ни одного. Есть два двоюродных, Виктор и Женька, сыновья дяди Гоши, но ведь в данном случае это не считается?

– А жаль, – вздохнула Нилла, – ну ладно.

Мне тоже было жаль, потому что я так и не узнала на этот раз, как с помощью бусин показывают наличие и количество братьев.

– Вот, держи, – Нилла протянула мне свое изделие и мешочек с тем, что осталось. – Да, хороша ты. Такие бусы и для княжны сгодились бы.

Я закивала, жестами выражая свое восхищение и благодарность. Нилла помолчала, задумчиво глядя то на меня, то на огонь, потом вдруг придвинулась и сказала тихо:

– Послушай, Камита. Ты почему-то хочешь в Андер. У тебя там кто-то есть, да? Мужчина? Или родственники? И ты надеешься, что ленна отвезет тебя туда, да?

И, дождавшись моего слабого кивка, продолжала:

– Не очень рассчитывай на это. И не доверяйся ей. Ленна не хочет замуж за младшего князя, понимаешь? Если она предпримет что-нибудь, чтобы избежать свадьбы, а ты будешь рядом – попадешь под раздачу, тоже виноватой сделают. А оправдаться вряд ли сможешь. Поняла? Ленне-то ничего не будет, а вот тебе!

Она слезла с лавки, направила пятками башмаки.

– Ладно, дальше справишься, а мне вставать на заре. Помоги тебе Провидение!

Прописанное ленной лечение помогло, к утру жар у Дина спал. Под утро я с чистой совестью прикорнула у него в изголовье, и проснулась, когда солнце уже встало. Моя рука – ах, какая идиллия, – опять оказалась под щекой Дина, я осторожно освободила ее, он не проснулся. Теперь – к ленне?

Сначала я забежала на кухню, наскоро позавтракала лепешкой и чашкой ягодника. Слуги ели за длинным столом у входа, лепешки были из темной муки с ягодами, ноздреватые, вкусные, желающим еще наливали какого-то то ли супа, то ли жидкой каши. И собрались за столом одни женщины. На меня по-прежнему глазели – ну да ладно, это вполне естественно. Насмотрятся и перестанут.

– Ты сегодня к нам придешь, Камита? – спросила тетушка Ола, споро собиравшая на большой поднос завтрак для кого-то: лепешки, не наши, другие – золотистые, румяные, а также какие-то маленькие посудинки с чем-то, кувшинчики, тарелочки-ложечки.

Я в ответ развела руками.

– Скажу экономке. Нечего тебя туда-сюда гонять, работай с нами, – проворчала она. – Сегодня еще лишних людей кормить, рук не хватает.

Я кивнула и показала на поднос, знаками и мимикой любопытствуя – для кого?

– Это-то? Для маленьких лира и ленны, младших детей имения, – поняла меня шеф-повариха. – Для них именъ велит все подавать отдельно.

– Ага, чтобы от старших не отравились, а то жалко, дети же, – ввернула рослая пухлая молодая, уминающая лепешки за обе щеки.

За столом захихикали, тетушка Ола усмехнулась, спросила:

– От ленны-то приходили уже за ее сиротской долей?

– А как-же, небось опять вскочила ни свет ни заря, – ответила одна из поварих, – не спится ей. Уж поспала бы всласть последние свои девичьи денечки.

– А то, глядишь, муж станет по утрам в поле выгонять работать! Чем еще княгиням заняться? – заметила моя соседка по столу, и все захохотали.

– Блажит девка, – сказала другая соседка. – Уже третий месяц на завтрак ест вчерашнюю лепешку с водой, на обед – немного похлебки. Кожа и кости остались. Мужа хочет напугать своими костями? Так не поможет ведь. Раз их сама королева сосватала.

– Может, когда именин вернется?..

– Потому и не возвращается, наверное. С дочкой ссориться не хочет. Как-никак, на будущую младшую княгиню Таума придется тогами топтать, а она опять начнет посуду бить.

– Ага, вот пусть мужу попробует побить посуду!

– Ха, а может, князь-брат только на серебре ест?..

– Говорят, этот брак – награда нашему имению. Шутка ли, за младшего князя Таума выйти, с семьей королевы Кары породниться. Говорят, именно дочка нашей ленны княжной Таума будет. Что он сделал, что его так наградили?..

– Да, я тоже слышала.

– Шутишь? Он с молодых лет при дворе служит.

– Как служит? Когда-то служил. Все время тут да тут.

– А может, это не наше дело?

– Вот еще.

Обычный бабий треп. Не знаю, одинаковы ли люди во всех мирах, я-то и в существовании разных миров наверняка убедилась всего пару дней тому как. Но этот мир и наш были чем-то удивительно похожи. Правда, здесь еще драконы живут, и эти, как их, рухи – какие мелочи, в самом деле! А люди такие же. И слушать болтовню за столом было очень познавательно. Спрашивать я не могла, читать тоже, могла только слушать. Правда, понятно было не все, но тут уж делать нечего. Пойму со временем.

Покои ленны, какое счастье, я отыскала без проблем, не заблудилась. Постучалась, вошла. Барышня была тут, стояла у распахнутого окна, услышав меня, оглянулась. Как положено приветствовать господ, какими поклонами и приседаниями? Ничего такого вроде не видела. Ладно, если что – я ведь полудурка, на это и спишем...

– А, Камита. Входи, что стоишь. Как он? Ему лучше?

Я уверенно кивнула. Надо же, имя мое барышня уже выучила. Приятно.

– Хорошо, – она улыбнулась. – Ты молодец. Скоро лекарка придет, посмотрит его. Ты не думай, что с ним тут жестоко обращаются.

Я опять кивнула – дескать, не думаю, что вы. Впрочем, здесь нужно на «ты».

Кстати, я знала, что исторически в русском языке тоже так было. Уважительно-почтительное «Вы» пришло к нам не так давно, и то народ в обиходе это не воспринял, естественно.

– Мой отец – он добрый человек.

Верю-верю, барышня... точнее, ленна.

– Ты будешь мне помогать, Камита?

Чуть помедлив, я опять кивнула. Да, Нилла предупредила, я буду осторожна. Но и помогать тебе буду, ленна Дана. Я хочу домой.

– Экономки не бойся, и никого не бойся. Не дам тебя в обиду. Ты бусы надела, вижу. Замечательно. Надеюсь, с тебя скоро их сорвут... на твоей свадьбе. Вот приедем в Андер, выдам тебя замуж.

Видно, чувства на моем лице отразились противоречивые: да, хочу в Андер, но замуж-то зачем? Она усмехнулась:

– Не бойся, насильно выдавать не стану. Только если захочешь. А пока заплети-ка мне косу, как у тебя. Мне нравится.

Она села на стул перед большим зеркалом.

Волосы у Даны были чудные, густые, ниже пояса, цвета темной меди. И вообще, я, наверное, еще не видела настолько красивых девушек. Вчера при первой встрече это не заметили, настолько она показалась мне глупой скандалисткой – да чего там, неадекватной просто.

Теперь стало понятно, что это ее игра. Игра, безусловно, дурацкая, потому как точно ли надо так орать и скандалить? И не есть нормально третий месяц? С другой стороны, всех правил этой игры я не знаю. Пока не знаю... хотя обошлась бы без этого знания и в дальнейшем.

Ей восемнадцать лет. От подростка недалеко ушла. Вот она кто, бунтующий подросток, которого снисходительно пожурят, но все равно не станут слушать.

А мне двадцать один. Но я, по-моему, много старше!

Ростом ленна Дана оказалась где-то на полголовы ниже моих ста семидесяти, тонкая кость, удивительно гармоничные черты. И очень худая, теперь знаю, почему. Но не сказала бы, что это ее сильно портит. Такую, наверное, раз увидишь – не забудешь. Если, конечно, она в этот момент не визжит на экономку.

Я соорудила ленне роскошный «рыбий хвост», вплетя поданные мне девочкой-служанкой длинные нити прозрачного и красного бисера. Девочка стояла рядом и не сводила глаз с моих рук, я специально для нее плела помедленнее. Вместо цветной ленты ленна носила повязку, расшитую бисером, ее надела служанка, закрепив тонкими заколками – я отметила эту деталь.

– Отлично, Камита! – ленна крутнулась перед зеркалом, разглядывая косу. – Теперь можешь поспать, заслужила, – она показала на одну из внутренних дверей, – во-он там, лавка сразу за дверью. Не высовывайся, экономка сюда не придет. А меня ждут невестины обязанности! – она едко хохотнула.

Я решила, что ослышалась. Поспать?! Какая щедрость. Кажется, ленна действительно неплохой человек, раз сообразила, что рабыне после бессонной ночи хорошо бы поспать.

Она ушла. А я вдруг услышала стук мяча под окном, и голоса, смех. Выглянула...

Мяч? Невероятно! Но именно так и было. Внизу на мощеном дворе играли в мяч дети, мальчик и девочка. Мяч был синий, и он прыгал, когда им ударяли о стену – как и положено мячу. Он резиновый?..

Мяч был упругим и прыгал. Непременно надо будет при случае подойти ближе и посмотреть, из чего же он сделан.

– Это маленькая ленна и маленький лир, младшие дети имения, – девочка-служанка стала за моим плечом.

Я кивнула. Уже надоело чувствовать себя китайским болванчиком – все время киваю...

Младшие дети имения не походили на старшую сестру. Оба светловолосые, этакий скандинавский тип. Собственно, я, можно сказать, сама отношусь к такому же.

– Ты правда не дурочка? – спросила служанка, слегка запнувшись.

Я не выдержала и засмеялась, помотала головой. Только и делаю тут, что отрицаю свою придурковатость.

Как зовут тебя, девочка? Нас не представили. Сколько тебе лет, тринадцать, четырнадцать? Хотя... бусы на шее из мелких бусинок. Если я все поняла правильно, то тринадцать. Когда стукнет четырнадцать, появится первая крупная бусина.

Казалось, ей хотелось поговорить, а это меня устраивало. Я ведь как ежик в тумане. Так бы и слушала все подряд, чтобы понять этот мир. Иначе в нем, непонятном, неуютно и страшно.

– Ты не боишься драконов, э... Камита? – продолжала она словно в ответ моим мыслям, но... каков вопрос!

С какой радости мне нужно их бояться?

– Они разрушили столько городов в Итсване. Ты ведь знаешь, да? Они все-таки страшные. И злые, наверное.

О, тут даже так?!

Я разом забыла, что творится за окном, и уставилась на девочку. Тут у них проблемы с драконами? Драконы агрессивные, нападают? А Митрина, между прочим, упомянула о драконах этак вскользь, как о чем-то несущественном.

– Ленна говорит, что у Винеты особый договор с драконами, такого ни у кого нет. Ни к кому больше дракон не прилетает раз в год. Ты слышала об этом? Когда дракон прилетает осенью в Андер, интересно, чем его кормят? Нет, я правда боюсь драконов.

Я могла только пожать плечами. Если так – я тоже их боюсь. А что за договор с драконом и зачем он прилетает? А кормят не королевскими дочками, случайно? Или красивыми горожанками? Может, это один из пунктов договора? А то я про такое читала. В сказках.

Стоп. Договор с драконом. Они – разумные?

– Свадьба нашей ленны будет сразу после свадьбы короля. А потом коронация. Если король наденет корону, то сразу начнется большой праздник. Ленна Дана уже станет младшей княгиней. Ей такие наряды готовят для большого бала – ты еще не видела? Вот пойдем с тобой помогать к портнихам – ахнешь! Ну а если даже король не наденет корону, бал все равно будет. Просто праздника будет меньше. Но все говорят, что уж после своей свадьбы король обязательно наденет корону. Ведь он женится на княжне, и это станет последним условием! Правда, княжон будет всего пять, но все равно, у короля будет выбор из пяти девушек, здорово, правда? Хотела бы я попасть на королевские смотрины, представляешь, какие все будут нарядные, и какая там будет красота? А одна княжна старше короля, на целых два года. Но это ведь неважно, правда?

Я только вздохнула. А подробнее? И кто бы еще объяснил, что к чему? Почему этот несчастный король никак не может надеть свою несчастную корону? Что за условия, последнее из которых – женитьба на княжне? И что значит быть младшей княгиней? Есть еще старшая? Тут многоженство? И только не говорите мне, что отвергнутых невест короля все-таки скормят дракону!

Этого никто и не говорил. Это моя дурацкая фантазия не туда покатилась, и не более того.

– Ой, Камита, тебе же велели спать, а мне надо пришить новые пуговицы на жилет ленны Даны!

Я согласно кивнула – надо значит надо. Где же мне тут поспать велели? Лавка за дверью и впрямь была, в нише между стен, застеленная чем-то вроде толстого стеганого одеяла, и подушки лежали, целых три – куда более комфортное местечко, чем то, что выделили мне для проживания. А вообще... хотелось осмотреться.

Прямо рядом с лавкой был вход куда-то, завешенный шторой, двери нет. По логике вещей, тут должна быть спальня, тогда эта лавка – место для дежурной няньки... служанки, то бишь. Я отвернула штору – да, действительно. Просторная комната, в углу низкая кровать, стол со стулом, большое овальное зеркало. Огромный шкаф, и еще один, со множеством ящиков, а в ногах кровати – сундук с коваными уголками. Кровать выглядела совсем по-нашенски: с постельным бельем, кучей подушек, одеялами. Незаправленная, между прочим, но это дело не мое, верно? Несколько книг на столе. Книг?..

В мгновение ока я оказалась возле стола и осторожно дотронулась до обложки верхней книги. Кожаная. И книги все толстые, прямо фолианты, страниц на пятьсот каждая...

С трепетом я открыла верхнюю. Бумага. Здесь есть бумага! Плотная, шелковистая на ощупь, кремового оттенка. Буквы... Да, буквы. Явно напечатанные, а не написанные от руки. Здесь печатают книги на бумаге! Буквы шли строчками слева направо и сверху вниз, то есть именно так, как я привыкла читать. Хотя, если бы здесь писали столбиками или снизу вверх, как в Японии или в арабских странах, тоже было бы не удивительно. Да хоть по кругу! Главное – книги, бумага, буквы. Хоть и буквы непонятные, но я безусловно смогла бы освоить здешнюю грамоту. Если вдруг задержусь...

На столе еще стоял письменный прибор: чернильница с крышкой и перьевая ручка, то есть палочка с надетым на нее металлическим пером, на подставке. Похожий, не такой красивый, имелся у моего дяди Гоши. Он интереса ради купил его в антикварном магазине и объяснил, что ещё недавно именно эти приборы стояли на столах во всех почтовых отделениях. Я пробовала писать тем пером, мне не понравилось. Впрочем, перьевой авторучкой я писала, но это же совсем другое дело...

Я взяла в руки здешнее перо, чтобы рассмотреть. Вроде бы пишущая часть длиннее и тоньше, чем у дядьгошиного, но суть та же. Итак, здесь пишут перьями из металла, которые у нас массово стали делать только к середине девятнадцатого века, притом, что кое-где чуть ли не до начала двадцатого века писали гусиными. Невероятно, но факт. Однако здесь я пока не видела ничего похожего на наш девятнадцатый век...

Я вышла из спальни, огляделась – никого. Прилегла на лавку, подбила под головой подушку. Спать не то чтобы хотелось, но было хорошо так, тихо, спокойно, не трогал никто – здесь мне редко, наверное, будет выпадать такая минутка. Можно полежать и подумать... подумать, да...

– Камита! Ну ты и хороша спать, вставай, солнце уже зайдет! – меня трясли за плечо. Я хороша спать?! Да ведь и глаза не успела закрыть...

Глава 4. Сумасшедшие дни

День за днем в сумасшедшем доме – вот на что стала похожа моя жизнь. Огромный каменный замок, неуютный, холодный, мрачный. Замок на картинке – это так красиво! И романтично. Да, если на картинке. На самом деле это просто большущая домина без водопровода, канализации, отопления, электричества...

Душ! Полцарства за горячий душ!

Впрочем, не верьте, где я возьму вам полцарства? И к отсутствию чего-либо на самом деле привыкаешь довольно быстро, потому что иного выхода нет. Мыть голову можно щелоком или мыльным корнем, мне его показала Нилла, она же подарила пару мягких холстин-полотенеч. Стирать – тем же самым, полоскать – на речке. Вместо ваты тут льняная ветошь и особый мох, который заготавливают и сушат в начале лета, весьма гигроскопичный. И сероватые комочки, оказалось – отходы переработки местного льна, ценимая, кстати, вещь. «Не отходы», то есть внушительного размера кудель, мне вручила Крыса и велела спрятать к завтрашнему вечеру, это явно подразумевалось не работой, а дополнением к досугу. Поскольку единственным моим досугом было хождение с Ниллой на речку, осваивать прядение казалось нереальным, и я просто отложила кудель. Через пару дней Крыса, обозвав меня лентяйкой и дармоедкой, кудель забрала, и... в общем, обошлось. Покровительство ленны все же выручало – экономка не решалась меня наказывать. А я не решалась особо искушать судьбу, так что ситуация пребывала в равновесии.

Тогда, выпавшись в комнатах ленны, я первым делом побежала вниз проведать Дина. Его не было. Лишь валялась под лавкой моя скомканная рубашка.

Разочарование оказалось острым. Почему-то. Я стояла и кусала губы. Как это, он пропал – и все? И как же узнать, где он и что с ним? Опять мычать и объясняться знаками с Ниллой? Она поняла бы. Она меня, как правило, понимала, хоть и не всегда с первой попытки.

Стоп, Линка, сказала я себе. Какое тебе дело до этого парня? Правильно, никакого. Поддалась слабости? Синдром медсестры, да. Ну так вот, на самом деле он тебе вообще не нужен, других проблем выше крыши. Домой, а там Димка, ну и вообще...

И я, шмыгнув носом, отправилась было в кухню, но столкнулась с экономкой. Та с ходу заявила, что я лентяйка, каких свет ни видывал, скривилась, увидев мои бусы, и вскоре я драила лестницу. Щеткой и тряпкой. Эту лестницу, должно быть, не мыли последние десять лет, а тут появилась лентяйка, которой и поручили такое нужное дело. С тех пор я ежедневно мыла затоптанные лестницы, их в Крысином ведомстве хватало, или еще что-нибудь драила, причем экономка давала мне работу самолично. Ленна также регулярно обо мне вспоминала, зазывала к себе и занимала каким-нибудь несложным делом: в компании с другими девушками я перебирала и сматывала нитки, что-нибудь перешивала или пришивала – к счастью, на мелочи моих умений хватало, иногда сопровождала ленну по замку – невесть зачем, но это мне нравилось, потому что позволяло лучше осмотреться. Если ленна заставляла меня за работой, заданной экономкой, она ругалась с экономкой, и в следующий раз все повторялось.

Я так уставала поначалу! Болели руки, ныло все тело. По вечерам ломота в руках мешала уснуть. Так бывает, когда после долгого перерыва снова начинаешь ходить в спортзал. А мои руки... Потертые и с поломанными ногтями, они перестали оскорблять взор экономки. Она смотрела насмешливо, и находила мне очередную грязную лестницу...

Если бы ленна прямо приказала мне при экономке выполнять только ее, леннины распоряжения, у меня появился бы повод не слушать Крысу, но ленна такого не приказывала. Закончив с очередной лестницей, я всегда отправлялась на кухню, это спасало от дальнейших приставаний экономки. Однажды она явилась туда по мою душу, когда я была занята раздел-

кой булочек. Тетушка Ола положила поварешку, подошла к Крысе, уперла руки в бока и что-то негромко ей сказала – та пошипела в ответ и удалилась.

– Ох, девка! – сказала мне потом шеф-повариха, – не люблю я такой дурости, а тут! Хотя бы уж наша ленна скорее замуж вышла, всем спокойнее станет.

В сущности, с помощью тетушки Олы я могла бы вовсе избавиться от Крысы. Главная повариха, наверняка формально подчиняясь экономке, на самом деле не позволяла ей лишний раз открывать рот в своих «владениях». А я на кухне действительно была на своем месте, но...

Кажется, я поняла эту игру между ленной Даной и экономкой. У них – вечное и шумное, во многом показное противостояние. Скорее всего, всерьез одна другой не пакостит. Интерес Крысы ко мне – надо же, заведя таким немалым хозяйством, она утруждается, чтобы лично задать мне работу и отчитать за какую-нибудь безделицу, – напрямую зависит от внимания ленны Даны. А отвяжется от меня экономка, вдруг тогда и ленна перестанет замечать, неинтересно ей станет? А мне надо уехать в Андер. Так что ничего, потерплю, не смертельно.

Еще одна напасть – Эвер, сын мельника, заглядывал в замок чуть ли не ежедневно. Приносил сладости, цветные ленты, которые я не брала. На мою жестикуляцию, означавшую «Не приходи больше, видеть не хочу!» – не реагировал. Говорил, что очень нравлюсь, ну просто очень! Кухарки и служанки посмеивались. И как-то раз я, завидев его в окошко кухни, решила опередить события, схватила со стола еще горячую, только из печки, сладкую булку и вынесла ему, сунула в руки. Дескать, опередила, получай и уходи. Он растерянно взял мой гостинец, замигал и вдруг широко улыбнулся. Я слушать его не стала, поспешно вернулась в кухню, встреченная переглядками и ухмылками.

– Что, уломал тебя парень, сдалась, неприступная ты наша? – насмешливо поинтересовалась Вайна, первая помощница Олы.

Я так и села, благо табурет подвернулся удачно.

В каком это смысле – сдалась?..

– А как же, девка белый хлеб поднесла – согласилась, значит. Теперь за свадебку?

Я, должно быть, взирала на них так потрясенно, что они запереглядывались уже без ухмылок.

– Ты что, Камита? Запомнювала, когда при сватовстве белый хлеб дарят? Может, ты тоже без памяти, как наш Дин? – тетушка Ола вытерла руки полотенцем, подошла ко мне. – Ты что, милая?

Я закрыла лицо руками. Вот бестолочь! Пошутила, называется. Да тут каждая ерунда может означать что-то мне неведомое, дышать и то осторожно надо.

Выбежать, отобрать булку, рассмешив всю честную компанию? Или вызвав всеобщее возмущение, кто знает? Так поздно, Эвера уже и след простыл...

Все равно мельник этому сватовству хода не даст. Разберемся. Впредь умнее буду.

На следующий день в замок явился мельник. Я как раз шла по двору с двумя полными ведрами воды, когда он вышел мне навстречу, и его рябая физиономия не сулила ничего хорошего.

– Чего затеваешь... племянница? Блажишь, да? Правда, что ли, в невестки хочешь?

Я отступила, расплескав воду.

За спиной мельника появилась экономка.

– Не смей скандалить тут, на людях! – строго сказала она мельнику. – Забирай ее совсем, и разбирайся, как знаешь, одни заботы от нее и беспокойство.

– Так. И работаешь плохо, значит? – «дядюшка» шагнул ко мне и схватил за косу, потянул вниз. – Не стараешься, даром именский хлеб ешь?

Я взвизгнула и бросила ведра ему под ноги, он заругался на всю площадь, переступая мокрыми сапогами и поминая всех демонов и что-то мне неизвестное, но за косу продолжал тянуть.

– Ну так заберу, а как же, на недельку, поучу уму-разуму! Бусы вон напялила, невеста на выданье! Бесстыжая!

И вдруг он отпустил меня, возмущенно рыкнул и повалился на землю – словно тонкая змея обвила его за ноги, так мне показалось.

Змея, сплетенная из разноцветных кожаных полос, а точнее, длинная плеть. Которую держал в руках высокий широкоплечий парень в коричневой рубашке. И, между прочим, это был Дин.

Он подошел, сдернул кожаное кольцо плетки с ног мельника и сказал очень спокойно:

– Иди отсюда. И сыну скажи, чтобы не шлялся тут, а то я его сам за ворота выкину. Все понятно?

«Дядюшка» отчетливо скрипнул зубами и кивнул. А тут как раз подбежала тетушка Ола, и закричала, махая руками:

– Как забереешь, как забереешь? Даже не думай! Она нужна мне! Иди-ка подобру-поздорову, мельник, что отдал – не твое! А то сама имению пожалуюсь, что муку сорную в замок продаешь, а с ним, знаешь, разговор короткий!

– Какую сорную, Ола, что мелешь? – взвился мельник, позабыв про меня.

– А пойдем в кладовку, покажу, какую!

Мельник махнул рукой и пошел в сторону ворот, хлюпая сапогами. А я расплакалась от облегчения. Испугалась, да! А ну как мельник меня бы и впрямь забрал, хоть и на неделю? Какой из Эвера заступник, я уже знаю. Хотелось бы все же избежать... так сказать, местных воспитательных методов.

– Ладно тебе, Нона, не злобствуй, – сказал Дин, легонько взмахнул плетью, и ее кончик сбил камешек, лежащий на низкой каменной тумбе метрах в трех от нас.

Не лира Нона, а просто Нона, этак по-свойски, хоть и вполне учтиво, без грубости. Ну цирк.

Экономка вздохнула.

– Что ж. От нее и правда одни неприятности, но раз меня не слушают... Что-то много тут стало этой девки!

– В самый раз, Нона, – Дин улыбался.

– Рановато ты встал с постели, мог бы еще отдохнуть, – она усмехнулась, но, удивительное дело, не едко.

– Ничего, нормально.

Крыса ушла.

Ох ты ж... Я во все глаза смотрела на Дина. Чисто промытые волосы немного вьются и стянуты на затылке шнурком. Царапины на лице зажили, и теперь видно много мелких шрамов на щеках и скулах, совсем старых. Потрепанная рубашка, но красивый кожаный пояс. А взгляд – спокойный. Раб? Невольник, которого привезли в клетке? Теперь что-то не похоже. Кто он такой, наконец?..

– Не плачь, – он легонько коснулся пальцами моей щеки и улыбнулся, – не будешь?

Я кивнула, поправила растрепанные волосы и подобрала ведра. Надо было опять идти к колодцу. Отойдя немного, оглянулась – он смотрел вслед.

На душе потеплело – они ведь заступились за меня, и Дин, и Ола. Не отдали мельнику. А Эвер, наверное, больше не придет. Хорошо...

Позже, вызванная к ленне, я застала ее одну перед портретом. С полотна смотрел темно-волосый мужчина с надменным взглядом и жесткими чертами лица. Но, пожалуй, даже красивый, особенно если представить его более приветливым.

– А, ты, Камита, – ленна мельком взглянула на меня, – иди сюда. Смотри, это мой жених. Нравится?

Ну и вопрос! Что ж, жених не урод, не такой уж старик, ему не больше тридцати пяти. Может, тридцать пять – это и многовато для восемнадцатилетней девушки, однако ничего особенного в таком браке нет. Она любит другого, и в этом ее проблема.

– Значит, нравится? Хочешь, тебе подарю?

Я покачала головой, еле заметно усмехнувшись – нет, барышня, не хочу.

– Зря отказываешься, Камита! Это младший князь Таума! Он посланник Винеты в Итсване. Его покойная жена считалась самой красивой и изысканной женщиной Винеты, после нашей королевы, разумеется. Нас будут сравнивать и говорить – где он подобрал эту чернавку? А он бы и не взглянул на меня, если бы отец не выслужился перед королевой. Прежняя княгиня дала ему трех сыновей, так что от меня сыновей не ждут, я должна рожать девочек! Семье князя требуется княжна, которая была бы с их кровью, сколько можно усыновлять чужих девчонок? Так что, может быть, моя дочь станет королевой Винеты. Такая честь – я буду матерью королевы! Ты ведь знаешь, что нынешняя королева тоже княжна Таума? Тебе, вообще, известны такие вещи, а, Камита?

Ох, ленна Дана. Объяснила бы уже заодно, что такое есть младший князь, зачем князю надо усыновлять чужих девчонок и с какой это радости ты станешь матерью королевы?

– Ах, Камита. Насколько тебе проще жить.

Да, ленна. Слов нет, как проще...

Думаю, только из-за моей немоты ленна дала себе волю говорить так, при других слугах вряд ли стала бы. Я когда-то читала о невольниках, которым специально удаляли языки, чтобы не выдавали секреты хозяев. Немая и неграмотная служанка – в сущности, это же клад!

Какое-то время ленна Дана стояла молча, вперив взгляд в портрет – кажется, она глядела сквозь полотно. И вдруг заговорила, медленно, размеренно. А я даже не сразу вникла в то, что слышу. Мне показалось, что если я все это время сходила с ума, то вот теперь, наконец, сошла окончательно.

О лукоморря дуб зельный,
слатая цеп на дыбе том.
И днем и ночью кот ученый
Ходит по цепи кругом...

Ленна читала стихи, читала и читала, слегка коверкала слова, пропуская некоторые строки, и, как мне показалось, смысла произносимых слов не понимала. Но у нее получалось проникновенно. Покончив с дубом у Лукоморья, она перескочила на «Сказку о царе Салтане», но тут ограничилась парой строф и замолчала. Видимо, мой взгляд был очень уж выразительный, потому что она улыбнулась и объяснила:

– Это сильные заклинания, меня им дед научил. Они возвращают душевное равновесие. У меня их много, Камита, но увы, они написаны знаками, которые я не могу прочесть. А ты чувствуешь силу этих слов?

Ну еще бы. Я улыбнулась и кивнула. Да здравствует Пушкин! Мог ли он хотя бы вообразить, что его строки станут утешать иномирскую барышню, которая закручинится из-за немилого жениха?

И тут я вспомнила: Митрина ведь упоминала про пришельца из моего мира, который рассказывал ей про телефоны с проводами. И это, конечно, было не слишком далеко отсюда! Наверное, мы с ним провалились в одну дырку в пространстве... или где там эта дырка... точнее, Дверь? Значит – дед ленны Даны?.. Он отец первой жены здешнего имени?

Этот человек здесь жил, и жил долго, раз обзавелся семьей. От него что-то осталось, кроме внучки, читающей Пушкина? Его дом? Его вещи? Он читал внучке стихи, значит, был грамотным человеком, который мог оставить, к примеру, записи? И чего он добился за свою жизнь здесь? Ведь начал-то он, наверное, с того же, что и я, то есть попал сюда, в чем был, и учился говорить и писать – если ему, как и мне, не помогла овладеть языком какая-нибудь добрая знахарка.

Или?..

Разве что предположить, что он был магом, который сам открывает Двери, но тогда Митрина так бы и сказала. Он попался случайно, в эту жуткую межпространственную ловушку – как и я.

– Ты как-то странно на меня смотришь, Камита, – ленна нахмурилась.

Я опустила глаза и отрицательно качнула головой, постаравшись придать лицу безмятежное и покорное выражение.

– Камита, мне сказали, что ты хочешь поехать со мной в Андер – это правда? Зачем? Тебя там кто-то ждет?

Сказать «нет»? Меня ждут мама, Димка, дядя Гоша, мои двоюродные братья, мои друзья и моя жизнь. Путь к ним идет через Андер. И я уверенно кивнула.

– А кто?..

Ах, ленна, как, ты думаешь, я отвечу?

Это похоже на игру, в которой надо отвечать на вопросы, используя лишь слова «да» или «нет», и, соответственно, задавать правильные вопросы. А мне настойчиво задают неправильные.

– Как жаль, что ты не можешь объяснить, – спохватилась ленна, – ладно, я поверю. Так и быть, постараюсь, чтобы ты попала в Андер. К чему тебе здесь оставаться, у моих дорогих отца и брата? Ты в Андер убегаешь, да? Я поняла. А пока пошли в швейную, меня будут мучить примерками...

Лишь только представилась возможность, я вернулась в комнаты ленны. Уже привычные ко мне служанки занимались своими делами в передней комнате. Тихонько я прошла в спальню, к столу, на котором лежали книги. Шестое чувство теперь настырно твердило, что найду что-то интересное. Так и есть, книга в мягкой кожаной обложке оказалась тетрадью с рукописными записями на русском языке. Но...

Я перелистнула несколько страниц. Стихи, только стихи! Пушкин, Блок, Цветаева, и еще много мне неизвестных. Некоторые не целиком, куча зачеркнутого и исправленного, все вразброс, такое впечатление, что человек вспоминал и писал, пытался сохранить, чтобы потом не забыть окончательно.

Все это хорошо, и потом я, может, охотно почитала бы это. Но пока мне нужны были не стихи.

Я быстро перебрала остальные книги, и так понимая, что всё не то – это были толстые местные фолианты, а мне нужна была тетрадь для записей. Нет и нет...

Есть! Похожая книга-тетрадь, переплетенная в кожу, нашлась на полу между стеной и задней стенкой сундука, в паре шагов от стола – ее когда-то положили на сундук, и она упала. Я вытащила ее и раскрыла.

Не стихи – текст. А вот что-то вроде словаря: слово, тире, пояснение.

– Камита! Ты здесь?

Спасибо, Провидение, или кто ты там, сделавший мне такой подарок! Я ни за что не расстанусь с этой книгой!

Сунув книгу под юбку, за пояс, я затянула пояс потуже. Заметно, да, но...

Снаружи, в передней комнате – никого. Меня не искали, позвали и ушли. Теперь надо незаметно выйти и спрятать книгу. Ленне это не нужно, и не для нее, не умеющей читать по-русски, писал заметки ее дедушка. У меня появилось такое чувство, что он писал это для меня.

Спрятать книгу было проблемой – где, в узле с вещами? И как ее читать? У меня здесь, в замке, не было своего угла. Да хоть бы заваливающейся каморки с дверью! Я решила, что лучшее место – комнатуха, прилегающая к швейной мастерской, где шились леннины наряды. Это было на том же этаже, что и комнаты ленны, там стоял стол для раскроя, лежали рулоны тканей, свечи, и что-то вроде амбарных книг – в нише над столом. Судя по пыли на книгах, это место можно считать надежным. Двери тут нет, только портьера, зато шаги по каменному полу слышны издали – вряд ли меня застанут врасплох. На какое-то время сойдет.

Я засунула драгоценную тетрадь за книги. Дождаться бы вечера!

– Эй, девушка, куда ты делаешь? Ленна сказала, что я могу оставить тебя сметывать эти юбки, – ко мне заглянула старшая портниха, – давай-ка садись за работу, не прохлаждайся.

Ладно, раз ленна сказала...

Тетушка Ола еще раньше поручила мне напечь рассыпчатого печенья для младших детей имения. Не знаю, только ли для детей, потому что тазик печенья исчезал со скоростью удивительной, дети давно объелись бы и уже не смотрели бы на мою выпечку. А они, наоборот, хотели еще, последние дни я каждый вечер стабильно выдавала по тазу печенюшек, и еще половину такого количества растаскивали служанки и прочие замковые жители. А еще булочки, тесто для которых поставит Вайна...

Ола и слугам позволяла угощаться печеньем – видно, здешний хозяин слишком строгим и скупым не был. Хотя это отрадно.

– Вот, девушка, куски, которые надо сметать, помечены красной ниткой. Потом тебе покажут, как их сшивать, и старайся стежки делать мелкими, поняла? Как, кстати, тебя зовут? А, ты же немая. Кто помнит, как зовут эту девушку?

Ей не ответили. Портнихи, обшивающие ленну, были чужим, отдельным от замка коллективом, выписанным из города, и никого здесь не интересовало, как зовут немую и условно ненормальную служанку. До свадьбы ленны и ее отъезда в Андер осталось менее двух недель...

Я кивнула, мысленно объяснив мастерице, что до мелких стежков дело не дойдет, я сбегу раньше. Печенье ведь не Пушкин печь будет? Поработаю пока немного, время позволяет. Я это уже проделывала раз несколько, когда меня сажали здесь за работу, и мои нахальные самовольные уходы портних изумляли, пока до них не дошла информация, что я, так сказать, придурковатая...

– Поняла? Стежки чтоб мелкие! – повторила мастерица, и отойдя, заметила, – это же надо, чтобы девушку к таким годам не научили прилично шить, у нее совсем не должно быть ума!

Портнихи организованно хихикнули. Ничего, я не обиделась.

Здесь шили вручную малюсенькими стежками восемью видами строчек, повторить самую простую вот так, с ходу, у меня не получилось. Точнее, получилось бы, если бы подробно показали и дали потренироваться, но такое никому в голову не пришло – как это, взрослая девица не умеет шить?! Я знаками попыталась попросить, чтобы научили – не поняли, по той же причине, видимо. А шить швом «вперед иголка» – нет, это только для мешков, а никак не для одежды благородных господ!

Кто-то еще шепнул, что прясть я тоже не умею – и откуда узнали? Все, репутация готова: полная бестолочь. Как, ей на кухне доверяют что-нибудь, кроме чистки котлов?! Это вроде как в нашем мире какая-нибудь умница не смогла бы научиться чистить зубы, или – ну, с чем сравнить, даже не знаю? Включать холодильник или открывать кран?

В замке, кстати, была также большая ткацкая мастерская, туда меня милосердное Провидение пока не заносило. Хотя, если я не умею шить и прясть, с чего бы мне уметь ткать?

Ленна Дана вот умела, оказывается. Все умела. Шить, вышивать, прясть. Наверное, и ткать тоже. Пару раз я заставляла ее стоящей у окна с прялкой, заткнутой за пояс, она смотрела наружу, во двор, и задумчиво тянула нить, а веретено, жужжа, крутилось на полу у ее ног. По-моему, высший пилотаж, не знаю, смогла бы я так когда-нибудь. Это, наверное, вроде того как сидеть с вязаньем перед телевизором – руки работают совсем отдельно от головы. Но трудиться над своим собственным приданым наша барышня не желала категорически, ни до чего не дотрагивалась, в лучшем случае позволяла примерять на себя одежды. И огромную цветную карту мелким крестиком, которую, как следовало из бурчания служанок, ленна должна вышивать в подарок жениху собственноручно – и карту эту вышивали служанки. Даже я руку приложила, и, о чудо, меня ни разу не обозвали неумехой.

Мастерская, то есть большая комната, где работали портнихи, имела дверь, которую на ночь запирали на ключ. Там хранились самые дорогие ткани и готовые наряды ленны, их было уже несколько десятков комплектов – невесту одевали словно на двадцать лет вперед. Платья, рубашки, юбки и жилеты, и еще меховые плащи, без рукавов и с рукавами – по-моему, их следует называть шубами. Мягкие, приятные ткани самого разного плетения, лен, шерсть и однозначно шелк. Уж не знаю, каков здесь шелк и гусеницы ли его прядут, на ощупь это была именно шелковая ткань. Всюду – сложный крой, тщательная заделка мельчайших деталей. И все – только иголкой...

– Ну вот, сидит, задумалась! – крикнула мне портниха. – О чем задумалась, если ты полудурка?

А ты стервоза – тут же любезно отозвалась я. Мысленно, конечно. Встала и отложила работу. Мастерича сегодня бдила за порядком, и портнихи помалкивали, работали молча и сосредоточенно. Мне так не нравилось, я бы хотела их болтовню послушать, нет-нет да и мелькнет что-нибудь интересное.

А если я замешу больше печенья и принесу корзинку сюда, девочкам – Ола же не будет сердиться?..

Дождаться бы вечера...

Для меня были радостью здешние вечера. Небо вызолочено закатным солнцем, вода в реке словно парное молоко. Мы с Ниллой плавали, смеялись, брызгались и всячески оттягивали момент, когда придется вылезать на берег.

– Эй, Камита, – Нилла вдруг схватила меня за руку. – Смотри, кто там...

Я посмотрела. Ну надо же – Дин. Какие его черти принесли? То бишь, демоны, чертей тут не поминают. А вообще, есть разница?

Он стоял, заложив руки за спину, и смотрел на нас, у его ног лежали наши вещи. Потому что мы купались, естественно, без всего.

– И что это такое? – завопила Нилла, – Дин, убирайся отсюда, уходи!

– Вы, найки речные! Насмотреться не могу! – он смеялся.

– Видишь, кого ты жалела и с кем возилась, – бросила Нилла мне. – Таких нахалов искать!

Не возразишь. Хотя кто сказал, что нельзя жалеть нахалов?..

Мы подплыли ближе, стараясь сильно не высовываться, благо глубина позволяла.

– И чего ты хочешь? – практично поинтересовалась Нилла.

Судя по смешинкам в ее глазах, сердилась она не то чтобы всерьез.

Почему я заранее догадалась, что именно Дин ответит? Нет, не потому что я такая умная, просто все слишком банально.

– Всего лишь поцелуй! Один! Но можно и больше...

– Да лично я скорее Азавака поцелую! – возмутилась Нилла.

Азавака я знала только одного, огромного цепного пса, очень доброго и смиренного, который проживал в своей будке неподалеку от кухни.

– Да перецелуй хоть всю псарню, Нилла, – ответил Дин весело, – я к Камите обращаюсь. Решайте быстрее, выхода у вас нет! Только один твой поцелуй, слышишь, Камита? Я не спасаю красивых девушек от их дядюшек совсем бесплатно!

А я-то думала, что мы более или менее квиты: я ему медицинскую помощь и услуги сиделки, он мне спасение от дядюшки. И что теперь, упрашивать-уговаривать его? На это рассчитывает?..

– Что ты решила, будешь целоваться? – нерешительно спросила меня Нилла. – Не бойся, дальше шутки не пойдет...

Я кивнула, крутнула кистью руки, показав на Дина – пусть отвернется.

– Договорились! – крикнула Нилла. – Отвернись, мы выйдем и оденемся!

Он тут же развернулся спиной к речке. Мы с Ниллой выбрались из воды, наскоро вытерлись и натянули одежду. Я пальцами расчесала волосы, рассыпала их по плечам, чтобы сохли, а сама не выпускала из поля зрения спину Дина, обтянутую все той же старой рубахой.

– Камита, ты что? Косу заплети! – шикнула на меня Нилла, сама она тут же туго повязала голову платком.

Ну конечно, плескаться перед парнем в речке в чем мать родила – ничего, можно, а разгуливать перед ним же по бережку с незаплетенными волосами? О, ужас. Подумав так, я, тем не менее, быстро заплелась, потому как неизвестно, что по местным обычаям значит явление перед мужиком в распатланном виде? Может, тоже что-то совсем мне ненужное?

Теперь точно буду купаться в сорочке...

– Ленту, Камита, ленту! Да что с тобой?

Да ничего со мной. Лента – тоже архиважно. Ладно, надену ленту.

Я огляделась. У самой воды росли какие-то развесистые травянистые растения с мелкими длинными листьями, кто знает, есть ли в моем мире аналог этой травки, я там не очень интересовалась ботаникой. Но веник получился бы хороший.

Он и получился хороший. Конечно, я окунула его в воду, тихонько приблизилась к Дину и окатила его дождем брызг. И резко отпрыгнула, готовая сорваться и бежать. Не успела, он тоже был, как взведенная пружина, одним прыжком преградил мне дорогу. Хохотал и не пускал.

– Эй, Камита, так нечестно!

Он приближался, я отступала, позади была река.

Он думает, что я боюсь ножки замочить? Как же! Я ступила в воду. Хорошо, что босая, хоть туфли сухие будут.

– Камита! – закричала Нилла. – Дин! Вот дурные, да перестаньте же! Камита!!

Я продолжала отступать, потом бросилась в воду и поплыла.

– Камита!! – надрывалась Нилла.

Дин сразу поплыл за мной. Он плавал хорошо, я тоже. Только вот в юбке это делать неудобно, в штанах, вероятно, все же лучше. Я нырнула, вынырнула в стороне, и все равно он через пару секунд оказался рядом, не смеялся, молчал, теснил меня к берегу. Когда стало мельче, поднял на руки, и, прижав к себе, вынес, поставил.

Все так же молча. Только смотрел.

Дин...

Мы оба мокрые, одежда облепила, вода стекает.

Что мы делаем, Дин?..

Нилла недовольно взирала на нас, скрестив руки на груди.

Дин легонько поцеловал меня в висок, и ушел.

– Вот шальная девка, – Нилла приблизилась. – Как теперь возвращаться?

Я пожала плечами, отошла за кусты, разделась там и выжала как следует одежду. Повисит, протряхнет чуть, тогда можно и в замок. Да и стемнеет уже, никто ничего не заметит.

– Простудишься еще, – Нилла закутала меня всеми холстинами сразу.

Мы уселись на берегу. Подруга, по своей привычке, задумчиво прикусила травинку.

– Ох, Камита. Не играй с этим!

Я играю? Это была моя идея – подглядывать и целоваться? И стану я с шантажистами целоваться, как же...

– Тебе нужен простой парень, работающий и заботливый. Это важнее всего.

Ох, Нилла. Мне об этом мама твердила сто тысяч раз. И в Димку она влюблена больше меня – работающий, заботливый. Серьезный. Так или иначе, мы уже приспособились друг к дружке, ничего. Я тоже не совершенство.

Где вы сейчас, мама, Димка?

Я чуть не разревелась. Нилла погладила меня по руке.

– Знаешь, что про Дина говорят? Хотя про него много чего говорят. Например, что он сын нашего имени и лесной ведьмы. Ну, ниберийки. Когда ниберийки мальчиков рожают, они их отцам отдают или бросают, а девочек оставляют себе. У них магия только женская, мужчины ею не владеют.

Даже так?! Я недоверчиво уставилась на нее. Нет, информация про ведьму меня в тот момент не впечатлила, похоже было на обычную сплетню. Сын ведьмы, надо же! Но то, что Дин – сын местного феодала, имени, то бишь? Брат ленны Даны?

Это может кое-что объяснить. Отношение ленны, экономки. Его особое положение в замке – мне показалось, что оно особое. Его привычная такая самоуверенность, несмотря ни на то. А что его иногда держат в клетке и наказывают кнутом – так это воспитание от любящего папочки. Сильно, видно, сынуля от рук отбился?

Нет, мне такое все равно было не понятно...

– Лучше не надо, Камита, – вздохнула Нилла.

Это я поняла. Не надо. Требовательно взглянула на подругу – рассказывай еще...

– Я знаю Дина только взрослым, – заговорила Нилла. – Я ведь не так давно тут. Ола говорила, что имень привез Дина, когда тому лет двенадцать-тринадцать было. Издалека, из Сейля, – она махнула рукой, обозначив направление. – Он там в башне жил, в лесу, неподалеку от деревни. С горбуном каким-то. Потом горбун умер, а Дина имень забрал в Кер. Так что все возможно. Я про лесную ведьму, они людей сторонятся, поэтому ее ребенок и не с людьми жил. И сюда имень его привез – может, и правда, потому что сын. Дин про башню не помнит уже, но Оле рассказывал, когда помнил. Они с леной Даной дружили всегда, а с молодым именем не ладили. Понятно, мальчишки. Они примерно ровесники, может, только имень и знает, кто из них старше. А если старший, даже если бастард... Нет, как бастард он прав не имеет, но имень мог бы дать ему кое-что. Да бастарда и законным признать можно, но только с разрешения короля, а почему бы королю не разрешить, если имень Кер попросит? Но это если бы у Дина с головой было в порядке, а так... – Нилла махнула рукой. – Говорят, не слишком-то имень любил свою первую жену, да и вторую тоже. Может, потому, что у него прежде ниберийка была, а их, говорят, забыть трудно, они часть души навеки себе забирают.

Нилла встала, отряхнула юбку, добавила:

– Может, вообще все неправда. Люди любят болтать. И я тоже, да? Меньше слушай. И не играй с ним, ни к чему тебе это. Тебе просто надо мужа хорошего!

Да-да, спасибо, поняла.

Благодарно кивнув Нилле, я тоже встала, натянула сырые одежки. Вдруг заметила стоящие у самой воды короткие сапоги. Сапоги Дина. Все-таки сбросил перед купанием, а потом забыл и ушел босиком. Подруга проследила за моим взглядом, улыбнулась, сходила за сапогами и завернула их в холстину.

– Пока не натаскает мне бочку воды, обратно не получит. А то ишь...

Глава 5. Ответы на вопросы

Я шла босиком, чтобы не стучать подошвами по полу. В каморке возле швейной первым делом завесила окошко и зажгла свечу, а лампу погасила – масла у меня было немного, и его надо просить у Олы. Свечей тут хватало, толстых и горящих ярко. Рубашку, взятую с собой якобы починить, я разложила на столе, надорвала подол. А прочная же ткань, трудно рвалась! Начала шить и отодвинула в сторону.

Конспирация, однако.

Тетрадь дедушки меня ждала. Ее кожаная обложка была мягкая, чистая. Книга-тетрадь точно не валялась годами где попало, потому что выглядела так, словно ее регулярно протирали специальным средством – ни пятнышка. Как бы ленна не хватилась...

Первая страница. Почерк оказался читаемым, участковым врачом дедушка, видимо, не работал. Написано вперемешку, по-русски и местными буквами. Казалось, тут всего поне-много, достаточно бессистемно. Значит, не дневник и не записи, посвященные чему-то определенному.

Ага, вот.

«Меня зовут Виктор Петрович Вакулов, 1946 года рождения, родился и жил в городе Ильске, закончил технологический техникум и работал на заводе «Вымпел».

Получается, он на три года моложе моего деда, Ильск – это от нас час на машине, или два на электричке.

Внизу строчка по-здешнему. Это похоже на упражнение по письму...

«Перенесся в параллельный мир в мае 1967 года.

Я непременно вернусь назад».

Как я тебя понимаю, Виктор Петрович...

Говорю «тебя», а не «вас» – за долгую жизнь тут вы, наверное, привыкли не обращаться к одному человеку так, словно их несколько.

На следующей странице – здешняя азбука. Буквы местного алфавита простые, без лишних деталей и завитушек. Они пронумерованы, их сорок две. Что ж, ничего особенного. Переписать бы и носить с собой, чтобы повторять, но у меня нет бумаги и чернил. Сфотографировать и поглядывать, когда возможность будет? Не годится, телефон быстро разрядится.

Все же я сфотографировала алфавит. Потом раздобуду бумагу.

Дальше шел небольшой словарь. Все русскими буквами, и винетские слова, и русский перевод. Значит, Виктору Петровичу не обломилось сеанса мгновенного обучения языку, как мне, он учился с нуля. Оказался тут, не умея ни говорить, ни понимать... бедняжка.

Я перелистывала страницы, ища что-то внятно написанное. Снова стихи... А тут – нате вам, чуть ли не выдержки из учебника химии с формулами, множество помарок. Он вспоминал химию? Еще рисунки: какие-то механизмы, воздушные шары, что-то летающее, вырванные листы, восклицательные знаки – только тетрадь знает, что пережил над ней Виктор Петрович Вакулов.

О, вот оно! Куча клякс, зато длинный связный текст:

«Винета – королевство, абсолютная монархия. Тут она всюду абсолютная, о чем-то вроде конституционной монархии или демократии пока не слышал. Заннита говорит, что – истинное королевство, и говорит с особой гордостью. Истинных королевств, королей и корон почти не осталось. Долго не мог понять, в чем заключается «истинность». Оказывается, в том, что корона волшебная, она не надевается на голову того, кто не соответствует некоему набору требований к королевской особе. «Не надевается» в прямом смысле, то есть корона и голова взаимно отталкиваются, как однополюсные магниты. Своеобразно».

Ничего себе. Так вот, значит, в чем проблема у здешнего короля...

«Можно подозревать некий трюк, но волшебство существует! Здесь, во всяком случае. Когда-то дома я почувствовал себя взрослым, выяснив, что в сказках все вранье и Деда Мороза нет. Теперь мне, взрослому, приходится признать, что в сказках многое очень похоже на правду. Деда Мороза, впрочем, пока не видел.

Вспомнился Эскалибур короля Артура, меч, который лишь достойный мог вынуть из камня. Некая аналогия прослеживается.

Магия – своего рода особая энергия, которая здесь в наличии. Некоторый процент людей благодаря врожденным способностям может ею управлять, и результаты весьма впечатляют. На первый взгляд, все усвоенные мной физические и химические законы при этом идут лесом. Большие ничего не поняли».

Я улыбнулась и перевернула страницу.

«Винета разделена на девять княжеств. Территории, видимо, весьма неравноценны – так исторически сложилось. Есть морское побережье, лесистые равнины и горы, где, очевидно, жизнь всего бедней и суровей. Девять князей являются ближайшими советниками короля, первыми лицами после короля в государстве. Супруга короля обязательно должна принадлежать к одной из княжеских семей. Тут не так просто. Одновременно в княжеской семье, безотносительно к числу дочерей, может быть только одна княжна. Это не обязательно старшая дочь, и даже не обязательно дочь, ее назначает глава семьи, проводится ритуал, девушка получает особое ожерелье, и лишь в этом случае может быть невестой короля. Если невеста королю не требуется, ближе к двадцати годам девушку выдают замуж, и семь лет спустя после наречения ее княжной ожерелье получает следующая выбранная. Князь может и не передавать никому ожерелье, если таково его желание, или передать совершенно посторонней девушке – ритуал удочерения делает ее полноправной дочерью и княжной, которая может быть выбрана королем. Этот обычай используется, если желательнее ввести в круг невест определенную девушку. Так, например, супругой предыдущего короля была младшая дочь итсванского императора – вероятно, из политических соображений она была усыновлена и вошла в число королевских невест. Если в настоящий момент определенная княжна является королевой, следующей княжной в этой семье становится наиболее дальняя ее родственница – здесь не имеют понятия о генетике, но понимают опасность близкородственных браков. Таким образом, эта «веревочка» благополучно «вьется» уже большие тысячи лет, именно таков возраст, как утверждает Заннига, правящей династии, и вырождения в ней пока не наступило.

Ритуал выбора невесты длинный и сложный. Девушки впервые появляются перед возможным женихом в одинаковых платьях и без знаков рода, должна возникнуть истинная симпатия. Навязывать королю выбор чревато, считается, что неподходящая супруга – серьезный риск того, что корона не наденется».

Я оторвалась от чтения, потеряла глаза.

Ой, мамочки. Как все сложно. Зато я поняла, наконец, о чем болтают в замке. Самая насущная проблема нынче в королевстве: не свалится ли с королевской головы корона. Стало быть, в настоящее время в стране нет легитимного короля – всего-навсего...

Что там дальше?

«Первой моей мыслью было, что в мире магии внешние магические проявления чего-либо несложно подделать. Да чего там, их можно подделать и без магии, чем веками промышляли и продолжают промышлять шарлатаны моего мира, начиная от египетских жрецов или того раньше. Оказывается, это совершенно невозможно, поскольку истинность ритуала коронации подтверждает дракон. Каким образом? Не знаю. Но совершенно никто не сомневается, что в присутствии дракона подделать ритуал невозможно. Присутствие дракона на коронации и ежегодном осеннем Празднике Подтверждения в Андере – уникальное здесь явление. Этот обычай существовал в период так называемых «древних драконов», которые впослед-

ствии вымерли, и быстро возобновился, когда появились «новые драконы». Праздник Подтверждения считают также праздником осени, урожая, и еще чего угодно, но начинается он с того, что король прилюдно надевает корону. Которая теоретически может и свалиться, но вообще, это был бы случай уникальный: как правило, раз надетая, корона больше не падает в течение всей жизни короля.

Дракон прилетает из Содды (то же, что и Драконьи Горы), это весьма далекая страна, там имеются маги, умеющие приручать драконов, что также, как я понял, явление уникальное. Видел соддийского мага и дракона на Подтверждении в прошлом году, честно говоря, засомневался, кто кого сопровождает.

Кстати, задумался, а может, древнеегипетские жрецы шарлатанами не были? Просто в те времена в нашем мире также существовала магия и те, кто мог ею пользоваться?»

Из коридора донесся резкий стук и звук шагов, я вскочила и чуть не погасила свечу. Хорошо, что не погасила, иначе пришлось бы выбираться отсюда в полной темноте. Подошла к портюере, осторожно выглянула – кто-то свернул от лестницы к комнатам ленны.

Я постояла еще, тревожно прислушиваясь, потом зажгла свою лампу и старательно все убрала – книгу, шитье, свечу. Завтра будет новый день...

Несколько листов бумаги и перо я потихоньку стащила у ленны Даны, иначе разжиться такими сокровищами было негде. В мире всеобщей элементарной грамотности бумага почему-то не лежала, где попало, в нее ничего не заворачивали и для хозяйственных нужд не использовали – значит, она тут стоила дорого. Чернил я отлила у Олы, та иногда записывала что-то в большой конторской книге, и бутылку с чернилами хранилась в кухне, в шкафчике со специями.

После обеда ленна окликнула меня в коридоре:

– Камита, подойди!

Первой мыслью было – неужели она что-то заметила?

Нет, не то. Ленна потянула меня за рукав, отвела в сторону.

– Камита, хочу спросить, – она проводила взглядом пробежавшую мимо служанку, – как тебе нравится Дин?

Я только глаза раскрыла. Как нравится?..

Да никак! Мне тут не до Дина, простите.

– А ты вот ему нравишься, – ленна смотрела куда-то в сторону, – ты хотела бы быть с ним, Камита? Может, замуж выйти? Хотела бы?

Я помотала головой, даже не задумавшись. Я не хочу здесь замуж! Вообще! И за Дина в частности. У меня сейчас лишь одна цель, и это – не замуж. И, кстати, я очень не люблю, когда парни в таких делах действуют через подруг или сестер – через девчонок, в общем. Что, сам не мог задать мне все свои вопросы? Так что – да, не хочу.

Ленна помолчала, прикусив губу, словно ждала, не передумаю ли я. Не передумаю. Я опять качнула отрицательно головой.

– Хорошо, – ленна приподняла подбородок. – Я тоже считаю, что ему нужна не ты.

Вот это уже меня слегка задело. Хотя возразить было нечего. Я решительно кивнула, показала на себя, на ленну и куда-то вдаль – дескать, куда ты, туда и я.

– Да, я помню, ты хочешь в Андер. Ладно, ступай куда шла, – она отвернулась.

А я пошла куда шла... даже скорее побежала, и чувства у меня невесты с чего вдруг пришли в растрепанное состояние... да что за ерунда!

Я разве поощряла его?

Что он себе вообразил?!

И через десяток шагов мы с Дином чуть не столкнулись, на выходе из коридора. Он криво улыбнулся и отвернулся. Наблюдал за нами, прекрасно понял, до чего договорились. Обиделся.

Ну прости, дорогой. Действительно, без посредников нам было бы проще.

Ты сам виноват, Дин... и вообще, ну не нужны мне тут сложности! Никакие! Нилла совершенно права. А ленна считает, что и тебе нужна не я. И прекрасно.

Он, конечно, не пришел на речку, когда мы купались. Правильно, все сказано, все друг друга поняли. И разве не дуростью с моей стороны было то и дело вспоминать его?..

Мы с Ниллой одевались после купания, когда увидели руха с наездником. К этому времени я уже была наслышана об этих птичках, и даже видела – издали. Этот пролетел ближе и сел где-то в замке. Нилла забеспокоилась.

– Камита, давай скорее! – она поспешно застегивала пуговицы на своей жилетке, пропуская некоторые.

Я легонько ударила ее по руке и принялась перезастегивать.

– Камита, да перестань же! – она рассердилась, увернулась от моих рук. – Заплетай лучше волосы! Пойдем!

По дорожке к замку она почти бежала, подобрав подол, но неподалеку от ворот поправила юбку и зашагала чинно, даже не забыла, как обычно, помахать стражнику на башне.

Птица сидела на каменной тумбе неподалеку от кухни. Азавак лежал возле будки и флегматично поглядывал на птицу, которая вела себя не так спокойно – она подпрыгивала, перебирала лапами, хлопала крыльями, щелкала клювом.

Я в изумлении остановилась. Птичка была монстром! Размах крыльев более трех метров, черные блестящие перья, крупное туловище, мощный клюв, хохол из перьев на голове, злобный взгляд маленьких желтых глазок – чур меня, как подойти близко к такому чудищу?

Туловище птицы было все упаковано в ремни, а на спине – седло. Тоже странно, как эти ремни ей не мешают, как она летает в такой сбруе?

Хорошо, что коровы не летают?

Это у нас так говорят. А тут, выходит, как раз летают! А если еще на голову упадет «сюрприз» от такой птички? Впечатления не забудутся...

Мы с Ниллой остановились метрах в пяти, и никакая сила не заставила бы меня приблизиться еще. Хотя нога птицы была цепью пристегнута к тумбе – это малость утешало. Еще несколько человек тоже стояли и ждали – чего?..

– Замечательный рух! – шепнула мне Нилла. – За такого монет триста не жалко. Муж незадолго до смерти тоже купил себе, потом пришлось продать. Ты ведь еще не летала на рухе?

Я ошалело покосилась на Ниллу, она засмеялась. Как-то нервно засмеялась.

– Ну конечно. Ничего, может, и полетаешь еще. А почтари все хорошие, там плохоньких не держат.

Ага, так это просто почта прилетела. Нилла ждет письмо.

Дин подошел откуда-то сзади, схватил повод, потянул к себе голову птицы, погладил ее шею – монстр перестал недовольно клекотать, но продолжал хлопать крыльями. Я даже задрожала – это пернатое, должно быть, пришибет и не заметит. Но, похоже, беспокоилась только я.

– Представляю, как Дину хочется полетать, наверное, – прокомментировала Нилла, – он летает хорошо. Теперь ему птиц не дают, только если под большим присмотром. А хорошим наездникам всегда летать хочется. Тебя он покатает бы, наверное, – она подмигнула.

Ну не змея подруга? Сама твердит, что Дин мне не пара, и тут же подначивает.

Подошел человек с сумкой через плечо – похоже, почтальоны во всех мирах выглядят узнаваемо. За его спиной маячила Крыса. Почтальон заговорил с Дином, тоже похлопал по шее свою птичку. И Нилла тут же побежала к нему, все устремились, но подруга успела первой. И я приблизилась, хоть и за спинами остальных, и услышала часть разговора Дина с почтальоном:

– ... быстро темнеет, оставался бы на ночь.

– Как раз успею до Карса, там и заночую, завтра тоже путь немалый.

– Он у тебя перелетал, не гоняй.

– Да вижу. Справимся, ничего.

Я уже знала, что Карс – это тоже замок, ближайший к нам, жилище другого имени.

Нилла в обмен на монетку получила от почтальона запечатанный холщовый мешочек, тут же сломала печать и вытряхнула на ладонь длинные бусы и сложенный листок бумаги. С довольным смехом она растянула бусы, демонстрируя всем, но тут же спрятала обратно в мешочек. Развернутое письмо полетело прямо к ногам тетушки Олы, та подняла, с улыбкой заглянула – ничего себе, что за бестактность!

– Моя любезная Нилла, твои дивные глаза сняты мне по ночам... – прочитала Ола, а вокруг захихикали, – хватит уже мариновать мужика, Нилла, выходи за него. Тебе еще рожать надо! А сыр тут и без тебя сварят!

Ниллу все это ничуть не возмутило, она с улыбкой забрала письмо.

– А как же, выйду, разумеется. Погуляю еще самую малость. Вдовушкой, думаешь, плохо живется? А муж да дети – и до старости воли не видать!

– Тоже скажешь! – притворно рассердилась Ола, – молодых девок с пути не сбивай.

Я протянула руку, желая ближе рассмотреть полученные Ниллой бусы, но та сделала вид, что не заметила, поспешно отвернувшись.

– Спать хочется. Лягу пораньше.

Ага, так я и поверила. Спать хочется – а глаза блестят. И в то же время...

Нилле не только радостно, но и тревожно, беспокойно. Это я поняла. И еще поняла, что она мне ничего не расскажет.

«Девять княжеств Винеты: Аркаран, Казрал, Риорин, Дрер, Зиакан, Биррен, Вельд и Таум. Они же родовые имена, то есть, фамилии, князей. Название княжества в качестве фамилии – принадлежность к княжеской семье и крайне почетно. Носить такую фамилию незаконно – наказуемо. Нередко отпрыски княжеских и именьских семей, желая не привлекать внимания, носят фамилию матери – без получения родовых прав, лишь как псевдоним, что так же незаконно, но допустимо. В соседних землях, как я слышал, сходные обычаи».

Интересно, а у короля тоже фамилия по названию своего государства? Забавно.

Я перевернула страницу.

«Король сейчас Вилейн Алист, королева Ниала Риоринна, принцы Нертен и Вилейн, 10 и 7 лет, принцесса Дестана, 3 года».

Ну вот, выяснили, фамилия короля не имеет отношения к названию королевства.

Это старая запись, и сейчас правит, наверное, сын этого Вилейна... да нет же, скорее, внук, раз он совсем молодой и еще неженатый. И у него, как тут девушки болтали, будет выбор из пяти невест. А почему не полный комплект, если князю можно просто назначить? Предлагаю, какие вокруг этого интриги и страсти, чтобы подsunуть нужную, и король ее выбрал добровольно. Вот не поверю, что нет интриг, что все чинно и благородно! Все же королевская корона всегда дорого стоила, неважно, в каком мире.

Интересно, а было такое, чтобы, скажем, принц сначала влюблялся, а потом по его просьбе один из князей усыновлял его возлюбленную? А остальные князья при этом желчью исходили оттого, что их дочери изначально были лишены шансов? Не дочки, так протеже, какая разница, наверняка ведь князю положены какие-то «плюшки», если королевой становится «его» княжна.

Кстати, запомним, как тут склоняются женские фамилии: королева Ниала Риоринна – княжна из княжества Риорин. Нынешняя королева, мать молодого короля, происходит из Таума – так ведь ленна говорила?

«Наследование здесь по мужской линии, по женской – со множеством условий и оговорок. Королевскую корону наследует старший сын. Точнее, старший сын примеряет первым, если упала – пробует следующий по старшинству. Потом – дядья и племянники по линии короля».

Если не удалось, церемония переносится на будущий год, чтобы вновь начаться с первого наследника. Некоронованный король до свершения коронации носит титул младшего короля. Дети принцесс из наследников исключены, как и все родственники по линии королевь.

Младший король – это, вообще говоря, титул младшего брата коронованного короля, или старшего – если королем стал младший. То же самое – младший князь».

Ага, так вот кем будет ленна Дана. Младшая княгиня – не какая-то там по счету жена князя, а просто жена младшего брата князя, который, вероятно, остался вдовцом.

Дальше мне пришлось пролистать несколько страниц непонятного текста с подчеркиваниями, зачеркиваниями и кляксами. Наконец вот:

«Основное население здесь – люди. Некоторый процент людей от рождения наделен магическими способностями. Науки не в почете, в отличие от магии. Скорее, науки – удел некоторых энтузиастов, не считая того, что в ряде случаев они изучаются как вспомогательная часть магии. Например, начальную магическую ступень невозможно получить без своего рода сертификата по химии, физике с астрономией и механике, в некоторых случаях требуются знания медицины.

Долгое время меня пугала местная медицина, в том числе отсутствием нормальных лекарств и антисептиков. Оказывается, зря. Даже знахарок, к которым в основном обращается деревенское население, не стоит считать шарлатанками, большинство из них помимо медицинских имеют и магические навыки. Например, я был в шоке, когда такая знахарка вылечила, а точнее, восстановила мне зуб – без боли, без пломб, он просто стал целым, это стоило пяти серебряных дирров, что немалая сумма для людей небогатых. Оказалось, что эти знахарки в основном «не люди», они считаются иномирнянками, людьми другой расы. Таких жещин называют лесными ведьмами или ниберийками, относятся к ним уважительно и с опаской. Я не слышал о каких-либо гонениях на таких ведьм. Впрочем, обычные люди, даже без магических способностей, тоже могут быть потомственными знахарями. Правда, зубы у них лучше не лечить, а раскошелиться на магическую медицину, причем лечиться у проверенного мага. Должен заметить, у местных тут хорошие зубы, которые нечасто требуют лечения».

О, да это фантастика! Сделать из разрушенного зуба целый без бормашины и пломб, и это в мире, где нет ни электричества, ни... да ничего толком нет!

Зато есть магия...

А вот читать было утомительно, потому что Виктор Петрович увлекся и стал писать неразборчиво.

«Не уверен, что нибериек можно считать отдельной расой, в основном потому, что у них нет мужчин. Ниберийки вступают во временную связь с мужчинами-людьми, при этом они категорически не создают официальной семьи. Все их особенности наследуются девочками, мальчики у нибериек рождаются редко и абсолютно обычными, безо всяких дополнительных способностей. Девочки-ниберийки остаются с матерями, мальчики отдаются отцам или чужим на воспитание».

Ничего себе амазонки! Зачем же они так с мальчишками? Я бы не отдала. Впрочем, я и не ведьма.

Стоп. А моя знакомая Митрина? Это она – ниберийка, то бишь лесная ведьма? Это все про нее?..

Похоже на то. И про Дина тоже. Этот отрывок я перечитала еще раз – потому что про Дина. Дальше...

«Вообще, в ниберийках есть нечто цыганское – они не могут подолгу жить на одном месте. Это бродяжки, которые странствуют по стране, гадают за деньги, иногда лечат, многие делают это мастерски. Даже оседлые ниберийки-знахарки периодически куда-то деваются. Обычно ниберийки ходят с распущенными волосами и без обуви, именно в таком состоянии их магические возможности максимальны. Но в угоду местным нравам и желая быть

неопознанными они могут покрывать голову и носить обувь, и тогда внешне неотличимы от прочих женицин. Оседлые знахарки-ниберийки все носят платки и обувь, никогда не живут в городах, однако могут там бывать, их дома чаще находятся неподалеку от деревень, и «народная тропа» к ним не зарастает.

Нибериек не зовут на свадьбы и прочие праздники, подразумевается, что они сами могут появиться где угодно, тогда их не гонят и относятся нейтрально. Считается, что нельзя принимать услуг от ниберийки, не заплатив – так можно попасть к ней в зависимость. Любить ниберийку и завести с ней отношения считается нежелательным.

Заннита считает, что ниберийки еще и оборотни, способные превращаться в животных и не только».

Это я тоже перечитала. Ох ты ж...

Интересно, тут всему верить, или надо делить на два? Ладно, пока поверю... с оглядкой.

И кто, наконец, эта Заннита?..

«Соддийцы, или горные колдуны – тоже отдельная раса. Отличаются какими-то особыми способностями к магии, точнее, их магия особенная. Если предположить, что магия все же какой-то вид энергии, присущий данному миру (это лишь мое личное спорное предположение), то соддийцы умеют работать с этой энергией несколько иначе. Человеческая магия бессильна против соддийской, в то же время соддийская далеко не такая мощная. И у этих двух областей магии есть некое пересечение, где обе магии взаимодействуют, а может, все проще: некоторые маги владеют обоими способами взаимодействия с магической энергией. Кстати, магия нибериек тоже считается «иной», но более доступной человеческим магам, чем соддийская».

В общем, чем дальше в лес, тем толще волки.

«Соддийцы, как я понял, тоже иномиры. Они переселились в этот мир после некоей катастрофы, погубившей их собственный. Оттуда же прибыли драконы. Считается, что соддийцы изначально обладают знаниями, позволяющими им взаимодействовать с драконами. Я здесь все же опасаясь слова «приручить», помня о роли дракона на церемонии Коронации, хотя, конечно, возможно, что дракон – лишь дрессированное животное, а решает все соддиец-сопровождающий, который, кстати, тоже обязательно маг-универсал (то есть владеющий не только соддийской, но и человеческой магией).

О драконах стоит сказать отдельно. Это звери потрясающей красоты и изящества. Это не просто огромные летающие ящеры...»

Дальше – вырванный лист, причем вырванный весьма неаккуратно. Жаль, про здешних драконов хотелось бы почитать.

И вдруг – звук шагов, тихих, осторожных. По коридору в мою сторону кто-то шел. Я поспешно дунула на свечу, схватила и свечу, и книгу – на руку пролился горячий воск, и нырнула под стол.

Кого принесло посреди ночи?!

Может, мимо пройдет?..

Вовремя я спряталась – портьера у входа колыхнулась, на пол упало пятно света, и вошла женщина, я видела ее босые ноги и подол клетчатой юбки. Она старательно поправила портьеру и присела на край лавки метрах в полутора от меня. Я забила в угол с книгой в обнимку и старалась не дышать.

Эта неизвестная кого-то ждет? Тоже босиком, чтобы не греметь подошвами по полу. Ждали мы недолго – опять шаги, быстрые, легкие, и портьера качнулась.

– Ты тут? Ну, было что-нибудь? – голос лены Даны.

– Было, было, – голос Ниллы. – Возьми, вот. Все в порядке, лена, но передумать еще не поздно.

Нилла... Как же так? Я, кажется, и вовсе окаменела.

– Ты прочитала? А где письмо?!

– Прочитала, конечно, должна же я знать, – Нилла отвечала спокойно. – И ты прочитай. А письмо не для тебя.

– Ладно, я подумаю, – сказала ленна Дана кротко.

На Крысу уже бы раскричалась.

– Конечно. Провидение с тобой, моя ленна.

Барышня ушла первая, Нилла немного погодя. И унесла лампу, оставив меня в крошечной тьме. Я на ощупь выбралась из-под стола, дернула занавес с окна. Ночь была лунная, и небо в звездах, так что глаза быстро освоились с этим слабым, но все же светом. Зажечь свечу или лампу мне было нечем, да и оставаться тут больше не хотелось...

Что могут означать секреты между Ниллой и ленной Даной? Нилла ведь просто сыроварка в замке. Работница из тех, что в господские покои не вхожи. Сегодня привезли почту, письмо Нилле, от поклонника, известного, видно, всему замку. И бусы в подарок.

И что?

До отъезда ленны Даны осталось, наверное, чуть больше недели.

Нилла – единственный человек в замке, которому я доверилась бы без оглядки, она одна мне помогала, поддерживала. Хотя, нет, неправда, не одна, но она – больше всех. А теперь у меня появилось чувство, что из-за происходящего обманутой останусь я!

Мало ли какие дела у барышни с Ниллой? Может, самые мелочные, купить что-нибудь или письмо передать, минуя Крысу и прочих соглядатаев.

Все может быть. Но на душе у меня стало очень тревожно....

На следующий день тетушка Ола объявила, что с ленной в Андер поеду я, и экономка согласна, разве что именъ запретит, но с чего бы? Сказала, что она сама за меня поручится, если надо будет. Пекарка Витина на это только облегченно улыбнулась, ей нечего было делать в Андере. Вообще, с ней, «главной конкуренткой», у меня сложились неплохие отношения. Первые пару дней мы приглядывались друг к другу, а на третий она уже научила меня ставить тесто по своему рецепту на местной закваске, а я показала ей несколько бабушкиных приемчиков, которые были приняты с интересом.

Дин, встречаясь со мной, отводил глаза. Это было неприятно... чуть-чуть. Ничего, ведь еще немного, и мне будет совсем не до него. Да и работа целый день напролет, разве у меня было время на огорчения по таким пустякам?

Все шло как надо, я была довольна. И когда подняла подкатившийся к ногам мяч, не ждала, что это простое действие осложнит мою жизнь.

Мяч, размером с обычный футбольный. Мне так давно хотелось его потрогать, понять – из чего он? Так что я поставила ведра, которые несла от колодца в кухню, и взяла мяч. Он оказался не резиновым, а кожаным. Определенно кожаным. Но без единого шва.

Кожаный мяч не может быть без швов, его же шили! А в целом – мяч как мяч, накачанный воздухом, упругий, легкий, шелковистый на ощупь. Я ударила им о землю, как когда-то в детстве – он высоко подскочил. Подбросила, поймала. Здорово. И вот что еще: мяч был чистый. Им ведь играли на пыльном дворе, а он чистый, яркий, как новенький. Это все магия?..

– Как ты смеешь? Ну что за нахальная девка?! – из-за угла выскочила высокая худая Тиба, точнее, лира Тиба, воспитательница младших именских детей и какая-то его дальняя родственница.

В первый момент не поняла – я осмелилась что, потрогать мяч? Оказывается, да.

– Нахальная и дерзкая! Твое место на кухне, верно? Сама доложишь экономке, что я требую тебя наказать!

Вот еще незадача. Юные господа, кстати, тоже показались следом за ней и с любопытством наблюдали, что будет дальше.

Доложить? Ну, как бы я смогла? Ладно, разберемся, авось пронесет. Я кивнула и протянула ей мяч. Она не взяла.

– Ты поняла, что должна доложить? Ах да, ты же дурочка. Ничего, и таких учить надо. Гляди, я проверю!

Может и не пронести, выходит. И этой злыдне доверили детей, какой ужас.

Однако надо было уносить ноги. Я снова кивнула, положила мяч на землю и взялась за ведра. И тут услышала смех позади себя, обернулась – ленна прислонилась плечом к стене, руки скрестила на груди, и глаза ее так блестели... словно она Крысу увидела. Рядом, чуть позади, стоял Дин.

Ленна подошла ближе, тронула ногой мяч, но смотрела она исключительно на Тибу.

– Прямо разбежались все ее наказывать, – сказала она. – Ты кто у нас тут такая, чтобы решать насчет моих служанок? Ты, дура из Вельда! У тебя свои обязанности, вот ими и займись! И что случилось, собственно? Я разрешаю этой девке трогать свои вещи. Так что успокойся.

Бледное лицо лиры Тибы пошло пятнами. Конечно, по положению она выше любой служанки, а ее оскорбляют при служанке самой, так сказать, низшей категории – несмотря на некоторые подвижки, мое положение именно таким и оставалось. Но приструнить ленну, эту будущую княгиню, никто не спешил. И бунтующая барышня откровенно нарывалась, испытывала судьбу, переходя грани. Хотя, с той же Крысой ее выражения были мягче, по крайней мере, ту она не называла дурой.

– Дана, Дана... – бормотала воспитательница, видимо, позабыв остальные слова.

Честно сказать, я ей не сочувствовала, не такая я, выходит, добрая альтруистка.

Ленна подняла мяч, задержала его в руках, переводя взгляд с детей на воспитательницу, а потом на меня, усмехнулась:

– Ну надо же, как интересно! – и неожиданно бросила мяч сестренке, та не поймала, – лучше учи их ловить мяч, а то они такие же косорукие, как ты! – это тоже относилось к лире Тибе, – и проваливай. Я расскажу отцу, какая ты лентяйка, за детьми не смотришь, только к моим служанкам зачем-то цепляешься.

Она улыбалась, явно получив удовольствие от представления. Тиба, подхватив подол юбки, удалилась почти бегом.

– Дин, посмотри-ка на нее, – теперь ленна показала на меня.

Дин взглянул, как-то вскользь.

– И что?

– Ничего не замечаешь?

Тот лишь пожал плечами.

– Ну хорошо, ступай со мной, – велела она мне.

Я показала на ведра с водой.

– Да брось их тут, и пойдем, – ленна притопнула ножкой.

– Я отнесу. На кухню? – Дин поднял ведра, и его вопросительный взгляд прямо мне в лицо, прямой, а не скользящий, был приятен.

Очень приятен. Всего лишь взгляд.

Я кивнула: на кухню, конечно.

Все же мне почему-то нравилось не быть для него пустым местом.

Мы пришли в просторную комнату с холодным, тщательно вычищенным камином. Еще здесь был огромный стол с письменным прибором, стеллаж с книгами, сундуки с узорчатыми коваными уголками – как же без них. Прибрано и безжизненно, хозяин давно не входил сюда.

На стене напротив стола висели портреты. Около одного из них ленна и остановилась, уколола меня требовательным взглядом.

– Ну, что скажешь?

Молодая и красивая женщина на портрете была богато одетой – хороший художник искусно передал блеск и рыхлую матовость дорогих тканей. И замужней, потому что ее волосы закрывал узорчатый платок. Впрочем, одна-единственная прядка у виска была кокетливо выпущена вдоль щеки, светлая прядка.

Конечно, ленна не ждет, что я отвечу. Но мне следовало что-то заметить. Поэтому я старательно разглядывала портрет и... ничего не замечала.

– Разве не видишь, как вы с ней похожи? – на лице ленны появилась разочарованная гримаска, – это моя мачеха, лира Юна, она из Вельда.

Мы похожи? Казалось бы, ничуть. Кстати, эта лира Юна красавица писаная, ее в кино бы снимать, высокая худощавая блондинка с совершенным личиком.

Да, высокая худощавая блондинка. Мы с ней одного типа, я тоже довольно высокая, сероглазая и почти блондинка, мой собственный цвет волос светлый русый, а нынешний золотистый оттенок – так это я не экономя на хорошей краске.

– Я видела семейство мельника, не скажешь, что они тебе родня. Ты и на Тибу похожа, верно? – не унималась ленна, – и на моих братика с сестренкой, они оба пошли в мать. Ты выглядишь, как чистокровная вельдка! Откуда такая внешность у племянницы мельника из лесов Аркарана? Где ты у нас видела таких? Надо же, как я сразу не заметила!

Я могла только удивиться с ней вместе. Не обращала внимания, что я тут чем-то особенная, действительно не обращала. Люди в Кере разные, друг на друга непохожие, как и всюду. Да, сложение у них чаще другое, они более коренастые, а лица, волосы...

Так или иначе, молодец, ленна Дана, наблюдательная девочка. Я не похожа на семейство мельника, что естественно. Прошляпил дядюшка мельник этот важный момент.

– Ты точно племянница мельника?

Пока я колебалась с ответом, ленна уже отвернулась, уставилась в окно.

– Ладно, неважно. Тебя ведь не отец мой подослал, нет? Ты не ему служишь?

Я решительно покачала головой: нет! К тому же, видимо, на моем лице появилось такое неприкрытое изумление, что ленну это в чем-то убедило.

– Ну хорошо, – пробормотала она, – я тебе верю. Пойдем, переплетешь мне косу.

Пока поднимались в покои барышни, у меня было время подумать. Все логично. Если я чужая мельнику, то кто я? Ленна с мачехой, наверное, недолюбливают друг друга, а может, и открыто враждуют. Может, мачеха могла бы приставить к падчерице своего человека, на всякий случай. Причем землячку, которой доверяет, это тоже естественно. Сделать шпионкой якобы немую и неграмотную девку, отданную в работницы – а что, хороший ход.

В общем, ленна Дана усомнилась, не посланный ли я казачок. И как с ней объясниться – непонятно, совсем непонятно.

Ленна уселась перед зеркалом, я сняла ее повязку, распустила косу и принялась не спеша расчесывать. Поглядывая в зеркало на отражение, заметила, что ключицы у девушки еще больше выступили, скулы заострились. И волос многовато на расческе остается. Плохо. Нашей барышне нужна консультация психиатра – например, моего любимого дяди Гоши. А может, не только консультация, а и навязчивая медицинская помощь. Это же надо, до такого себя довести, то-то порадует младший князь...

– Хорошо, что тебе Дин не нравится, Камита, – вдруг сказала ленна. – Ему нужна женщина, которая родилась очень далеко. Так мне знахарка сказала, настоящая, видящая судьбы. Она сказала, что он должен полюбить женщину родом оттуда, куда нельзя долететь. Другую нельзя. Если ты даже из Вельда, туда вполне можно долететь, не сажая руха. А если ты все же племянница мельника, то и подавно.

Вот теперь у меня даже руки опустились. Оттуда, куда нельзя долететь! Ко мне домой отсюда точно не долететь, хоть на рухе, хоть на истребителе. Я идеально подхожу, получается? Мало того, я единственная идеально подхожу!

Но я не верю в предсказания. Вообще не верю. И Димка, мой почти муж, над ними смеялся. И дядя Гоша...

– Дин сказал, что все равно попробует тебе понравиться. И попросит у отца тебя в жены. Ты должна отказаться, поняла? Это мой приказ!

Я уверенно кивнула, хотя где-то в груди шевельнулось раздражение. Как надоело! У меня ведь нервы не железные, а проблем меньше не становится. И чтобы всю жизнь прогибаться перед кем попало, надо родиться в подобающем месте. Не сомневайся, ленна Дана, я откажусь! Но каково, ему на мой отказ наплевать – он попробует, он попросит меня у барина! А я должна непременно отказаться. Какого э... демона эта девчонка мне велит, что делать, в моей личной жизни?..

И конца этому пока не видно, так что держись, Линка. Ты у себя одна, должна справиться.

– У меня волосы выпадают, да? Надо втереть арановое масло. Вон там, в шкатулке, – сморщив носик, ленна махнула рукой в сторону зеркала.

Я бы объяснила, что ей нужно не масло для волос, а хорошая еда и витамины, а то еще немного – и привет, анорексия! Но, конечно, вместо этого открыла стоящую на призеркальном столике шкатулку, подняла лежащий поверх всего шелковый платок...

– Не в той шкатулке, Камита! – крикнула Дана, – в другой, в маленькой!

Я спокойно вернула платок на место, закрыла эту шкатулку, открыла маленькую, достала флакон...

Да что же тут творится?!

В первой шкатулке под узорчатым шелком я разглядела бусы Ниллы, те, присланные по почте. Тогда, ночью, Нилла отдала ленне – их?!

Арановое масло оказалось не жирным на ощупь, с тонким горьковатым запахом. Я втирала его в кожу головы ленны Даны, длинные пряди послушно скользили у меня между пальцев. Видимо, ей было приятно, она улыбнулась.

– А про меня та знахарка сказала, что я буду счастлива и рожу сына. Слышишь, Камита? Значит, я выйду замуж не за князя Таума?

Я пожала плечами: вообще-то, одно другого не исключало. Ленна нахмурилась.

– Камита, не обмани моих ожиданий. И теперь я буду с тобой осторожна.

Я с улыбкой кивнула, стараясь казаться безмятежной. Очень старалась!

Наконец я смогла уйти, и весь остаток дня, занимаясь привычными делами, места себе не находила от беспокойства. Как мало я знаю, понимаю и могу! Если бы поговорить... да хоть бы с Дином. Но ему я не сказала бы о бусах Ниллы. А с Ниллой? С Ниллой теперь я вовсе не стала бы откровенничать.

Неприятный сюрприз случился тем же вечером: Ола сообщила, что завтра я с другими служанками должна ехать на дальнюю ферму. Зачем? Там будет стан для охотников, то бишь для гостей имения, которые скоро явятся в Кер и станут развлекаться охотой перед свадьбой ленны. Все это обычно спокойная Ола в сердцах прокричала нам, добавив, как она устала от беспорядка в замке и таких вот неожиданностей! Ведь на ее кухне работы с каждым днем все больше, рук не хватает, и она, Ола, уже требовала, чтобы Камиту, то есть меня, не дергали на всякую ерунду! Потом пришла экономка, повторила то же самое и сварливо спросила, чем я, дурища, рассердила ленну. Ответа, понятное дело, никто не ждал. Мне велели собираться – уезжать на рассвете. Это не проблема, что мне собирать-то? Как говорится, только подпоясаться.

Ленна Дана решила отправить меня прочь из замка. И это было плохо. Это было действительно так плохо, что могло означать полное крушение моих планов. И я банально разре-

велась, сжавшись в дальнем углу на лавке. Меня утешали, кто-то принес душистого травника, и Ола подошла, обняла, похлопала по спине, приговаривая, что все пустяки и нечего сырость разводить, что бы ни придумала вздорная девчонка... ленна, то есть...

Они ведь не понимали, что это может значить для меня и насколько я завишу от «вздорной девчонки».

Я от души поплакала и занялась приготовлением лепешек. А поздно вечером, конечно, пришла в заветную комнату и засела за чтение.

«Любопытно находить параллели в обычаях, свойственных нашим мирам. Что касается царствующих особ. У российских царей, насколько помню, основными регалиями были корона, которая сама собой с головы не сваливалась, скипетр – кажется, его прообразом считают пастуший посох, и держава в виде шара. Здесь королю полагается корона, которая сама решает, нравится ли ей монаршья голова, а также меч, сапоги и Кольцо Единения. Последние три предмета какими-то явными волшебными свойствами не обладают. Меч ритуальный, богато украшенный, кажется, для реального сражения негодный, но обязательный при парадном королевском костюме, сапоги вообще шьются для каждого очередного короля (что естественно), постоянными остаются пряжки и золотые накладки на голенищах. Кольцо Единения положено носить на среднем пальце правой руки, вроде наших обручальных. Напрашиваются ассоциации – король как бы состоит в браке со страной? С народом? Отсюда и Единение? Впрочем, я слышал, что когда-то у кольца тоже были волшебные свойства, но теперь то ли свойства потерялись, то ли знания о них. Кстати, когда-то колец было два, для короля и его брата, то есть для младшего короля – это вполне отражает местную традицию делить титул и полномочия с младшими братьями.

Необходимая часть парадного костюма короля, аналог нашей горностаевой мантии – плащ, подбитый белым крапчатым мехом тарха. Тарх – кошка вроде рыси, которая живет в здешних лесах повсеместно, с приходом зимы ее мех светлеет. Тархов для плаща будущему королю загодя добывает его отец, но не возбраняется делать это и самостоятельно. Собственный плащ остается владельцу, в нем кладут на погребальный костер.

Кстати, копию королевского Кольца Единения можно купить в любой ювелирной лавке, это тут самый обычный подарок, к примеру, возлюбленной, так что такие кольца носят множество женицин в Винете. Но на официальную помолвку девушке дарят кольцо с камнем, а жених получает несколько бусин из ее повседневных бус, которые до свадьбы носит на шнурке как браслет. Обручальных колец в Винете нет, супругам положены особые браслеты, которые надеваются на свадебной церемонии и не имеют застежки, они заклепываются на руке мягкой клепкой».

Разве не смешно? Надо же – клепкой! Прямо вериги какие-то. А вообще, очень повезло мне, что эти записки нашла. Вроде ничего пока архиважного не прочитала, только мелочи, которые могут и не пригодиться никогда, но мелочей мне сейчас и не хватает! Целостной картины здешнего мира, объяснения разных моментов, которые я вижу, слышу, но не понимаю и теряюсь...

«Меня откровенно удивляет невнятность местной религии, можно даже говорить об отсутствии таковой. Меня учили, что мир, находящийся на низкой стадии общественного развития, не может обойтись без стройной системы религиозных верований, причем эти верования должны влиять на все аспекты жизни. Здесь такого не заметно. Отсутствуют храмы, не проводятся религиозные обряды, на первый взгляд нет ни язычества, ни единобожия. Заннита рассказывала о диких людях, живущих в лесах, которые обожествляют хищных животных, считая их предками – похоже на древние верования некоторых наших народов. Но люди, среди которых я живу, городские и деревенские жители, от этого далеки. Принято то и дело поминать Провидение, однако это туманное понятие не означает божество. А может, как раз означает, но отношение к нему спокойное, хотя и учтливое, и в чем-

то трепетное. В семьях поколениями хранят книги, содержащие свод постулатов о том, какие поступки, обстоятельства, приметы способствуют благоволению Провидения. При этом Провидение лишено карающей функции, оно помогает, даже если человек навредит себе своими глупыми или злыми поступками, и даже если Провидение наказывает – это оборотная сторона его помощи. Даже прожив здесь годы, я так и не уяснил себе, что такое есть Провидение.

Не очень понятно, зачем здесь монастыри, но они есть. Мужские и женские, каждый, как правило, имеет свою специализацию, как то: медицина, некие магические или научные исследования, даже поэзия, наделенная сакральными свойствами. Один из монашеских орден декларирует занятия медициной и изучение драконов с целью их истребления как безусловное зло. Непонятно, почему: если драконы когда-то и вредили людям, то это было давно. Налицо атрибуты: закрытость, ритуал посвящения, устав, немало моментов, связанных с магией. Магия здесь ненавязчиво влияет на все, не понятно, где она начинается и где заканчивается...»

Вот оно что. Я ведь тоже пыталась понять, как тут с религией и где храмы, а все проще: их нет. Зато есть монастыри – что-то вроде клубов по интересам. Странно, да. Ну и ладно.

Опять вырванная страница, дальше – рисунки: листья, цветы...

Я решила заняться письмом, тоже ведь нужное, а в моем случае еще и очень важное умение. Но – ах! Перо плохо набирало чернила, рвало бумагу, я сразу посадила несколько клякс. То, дядьгошино, с почты, было лучше! А вообще, я скоро начну думать, что шариковая ручка – самое гениальное изобретение человечества!

Испачкав в чернилах обе ладони, совершенно испортив один из листов и худо-бедно приладившись к инструменту, то бишь к перу, я начала писать хотя бы сносно. Хотя какой там писать – рисовала буквы, медленно и старательно. Захотелось даже язык высунуть, от старания. А когда портьера у двери колыхнулась и ко мне шагнула высокая фигура, я чуть не завизжала, но сильная шершавая ладонь зажала мне рот.

– Тихо ты...

Голос Дина! Я замерла.

Одной рукой прижав мою голову к своему животу и зажимая мне рот, другой Дин погасил пламя свечи, прямо пальцами, и мы оказались во тьме.

– Не бойся, – он отпустил меня, – там кто-то идет по коридору. Ты же прячешься, верно?

Да, я прячусь. А он что тут делает, за мной наблюдает? Явно ведь не случайно тут. Вот же паразит...

Теперь и я слышала шаги снаружи.

– Наверное, это в швейную, – шепнул Дин, крепко обняв меня за плечи, – тихо...

Я замерла, а звук шагов, вроде бы, стал отдаляться

– Скажем, что у нас свидание. Впрочем, это и так понятно, – я слышала, что он улыбнулся, – но ты не бойся, приставать не стану.

Он сдернул с полки и бросил передо мной какую-то большую тряпку, закрыв ею и тетрадь дедушки, и мою бумагу с пером и чернилами. Теперь мы действительно могли сойти за влюбленную парочку для всякого, кто сюда заглянет.

Как давно он за мной следит? Вот я растяпа...

Опять шаги, шум. Неподалеку гремели ключами, экономка что-то выговаривала портнихе, та возражала. Только бы сюда не заглянули...

Они ушли, наконец. Я высвободилась из рук Дина, отодвинулась.

– Не бойся меня, Камита, – сказал он. – И вот что, собери свои вещи и пойдем отсюда. Ты слышала ведь? Они решили работать по ночам, что-то там доделать надо. Ты не знаешь, зачем невесте пять возов одежды, даже если она выходит за младшего князя? – говоря это, он зажег свечу, причем непонятно как, явно тоже какая-нибудь мелкая покупная магия.

Я качнула головой – не знаю. Зачем-то нужно.

– Пойдем, покажу место, где ты сможешь делать что хочешь, – добавил Дин, – и прятать, что хочешь.

Ого, даже так! Он действительно наблюдал за мной. Но что я теряю, если его послушаюсь? Если может помочь, пусть поможет. Он будет на моей стороне, раз заявил ление, что попытается мне понравиться.

Быстро собрав все и завернув в ту же тряпку, я пошла за Дином.

Нам пришлось спуститься и пересечь двор. Длинный низкий дом с маленькими окнами, я думала, был помещением для слуг или чем-то вроде кладовки. Огромный черный пес лежал у двери на соломе, он заворчал, но Дин погладил его по голове и уверенно толкнул дверь.

– Пойдем. Да не бойся же.

Там был длинный коридор, конец которого терялся во тьме. Дин открыл еще одну дверь.

– Сюда...

Мы оказались в просторной комнате с земляным полом, с полками, большим столом и сундуками вдоль стены. И с кованой задвижкой на двери.

Дин проследил за моим взглядом, улыбнулся.

– Это моя комната, так, для... для разных дел, в общем. Я тут не сплю. И девушек не соблазняю, так что сразу говорю, для этого найдем место получше.

Я рассмеялась. Да, кровати тут не было, лавки – тоже.

– Вот, смотри, – он достал с полки связку ключей, снял один и отдал мне. – Вот в этот сундук можешь все складывать, никто не заглянет. Можешь вообще здесь жить, хочешь, лежанку поставлю?

Я отрицательно качнула головой – нет, таких благодеяний не надо. Он понимающе кивнул.

Хотя... Он единственный предложил мне здесь что-то похожее на дом. Участок жизненного пространства, лучший, чем место на общей лавке. А точнее, он подарил мне часть своего пространства. Это дорогого стоит.

– Тебе никто не помешает, – сказал он. – И я не буду. Фор тебя пустит, хоть он с виду злой, ты не бойся. Мне уйти?

Я покачала головой, подошла к столу, выложила на него бумагу с моими потугами на чистописание, чернила и перо, книгу оставила в свертке, отложила в сторону. И знаками и мимикой изобразила просьбу о помощи.

Дин посмотрел, задумчиво наморщил лоб:

– Хочешь грамоте научиться, и чтобы я помог? Да запросто. Кстати, почему тебя даже читать не научили? С мельника за это и штраф слупить можно, если, конечно, не оправдается. Не верится, что ты не сумела, в другом ведь дело?

Я нахмурилась. Только скандалов мне не хватало. Вот сейчас их точно не надо.

– Ладно, понял, молчу, – Дин усмехнулся. – Но знаешь, я не буду с тобой совсем уж бескорыстным. После каждого урока хочу поцелуй. Или два. Если решишь, что заработал. Угу?

Мы встретились взглядами, в его глазах – интерес пополам с надеждой. Думает, сейчас отказываться буду? А, была ни была. Мне стало весело, и я кивнула.

Если решу, что заработал! Надеюсь, будешь стараться, дорогой!

Он заулыбался, в глазах заиграли смешинки.

– Но сначала задаток, да? Прямо сейчас?

Препираться – время терять. Я быстро встала на цыпочки и легонько чмокнула его в губы, он даже опомниться не успел. Стиснул меня, прижал к себе.

– Э-э... такой маленький задаточек?

Я решительно замотала головой и даже зашипела сквозь зубы – забавно получилось. Дин меня тут же отпустил.

– Ладно, ладно. Может, плата за урок будет... это... ощутимее. Вот что, я скажу Ноне, что ты хочешь грамоте научиться, и можешь не прятаться. Зачем тебе учиться по ночам, встаешь ведь не позже других. Поняла?

Я кивнула. Милый Дин, где бы мне еще днем время взять? И потом, надо же, «я скажу Ноне»! Уверенно так, дескать, он скажет, и все, решен вопрос. И правда, что ли, чувствует себя хозяйским сынком, хоть и незаконным? Нет, особенно я его значимости не замечала, это с ленной Даной никто не спорит. А Дин... Он от всего как будто в стороне, но положение занимает особое, хоть и неоднозначное.

Дин подвинул скамейку к столу, сел, кивнул, приглашая меня сесть рядом. Попробовал обмакнуть перо в мою «чернильницу», отставил пузырек в сторону и достал из выдвижного ящика свою – невысокую баночку с тяжелым дном и с крышкой, налитую доверху.

– Пользуйся. И, кстати, бумагу тоже у меня бери, та дорогая, она только у имени. Заметят – может влететь, – он сунул бумагу ленной в тот же ящик, а из него достал несколько других листов, сероватых и не таких шелковисто-гладких.

– Умеешь писать свое имя? Вот так... Камита... – в его руке перо писало легко и без клякс.

Мое имя. Я уже прикидывала, как его написать, но ошиблась в двух буквах. Наверное, в любом языке так: на слух правильно писать не научишься, надо знать правила. Мне просто повезло, что заполучила преподавателя.

Он отдал мне перо, при этом его пальцы мягко погладили мою ладонь... пара секунд, не больше...

И я стала писать свое... точнее, не свое имя. Чуть сильнее нажала – и снова клякса! И руки все в черных пятнах – стыдобище.

– Не спеши, – Дин улыбался, – давай еще раз...

Как же жаль, что завтра уезжать из замка, черт бы побрал барышнину мнительность. А если сорвется моя поездка в Андер... даже думать не хочу.

Глава 6. На ферме

Утром на телеге, запряженной двумя коняшками, мы приехали на ту дальнюю ферму. Мы – это двое мужчин и пять девушек, а еще двое стражников, трусивших верхом за телегой, и лира Ава, еще одна именьяская родственница, ехавшая в отдельной коляске. Пять девушек – это условно, без платков были только три из нас.

Ферма оказалась большим низким домом, к которому прилагался просторный двор, заросший бурьяном, хозяйственные постройки, башня метров восьми высотой и около четырех в диаметре в углу двора, и все это было огорожено глухим частоколом. Я уже знала, что башня – для рухов, в замке тоже были такие башни. Оказывается, руха можно посадить и на землю, но предпочтительнее все же на башню или на специальную тумбу, камень или другую возвышенность – ему так проще взлетать, и вообще комфортнее. А рух, на котором постоянно летают, бывает, и живет месяцами на башне, только зиму проводит в наземном стойле. А вот как за рухами ухаживают – отдельный вопрос. Например, обычных птиц нельзя научить гадить по расписанию. В моем мире на птицефермах стоит густая, весьма характерная вонь. А на птичнике с такими птичками? Скорее всего, нет. Их тут явно холят и лелеют, но какого труда это стоит?

Но это так, к слову. На ферме не было ни рухов, ни вообще никого, хотя бы сторожа. Наш кучер дядька Нул, как его все звали, отпер ключом ворота, в которые сначала въехала лира Ава, потом мы и стража. И понеслось...

Сначала лира Ава велела обустроить себе комнату, то есть выскоблить ее, потом принялась раздавать поручения. Дом оказался невероятно грязным и запущенным, нам отводилось на работу всего три дня – и не верилось, что управимся. Стражники принялись было играть в кости, но очень скоро их тоже задействовали там, где позарез требовалась мужская сила. Впрочем, было весело, куда веселее, чем работать в замке под присмотром экономки. Тетушка Ола щедро отвесила нам продуктов: сметаны, масла, крупы, муки и еще всякой всячины, даже пару копченых окороков. Видно, для свадьбы продуктов закупили много, вот Ола и решила побаловать невзначай и нас тоже. Все были довольны, лишь я одна чувствовала себя ссыльной...

Моим делом была кухня, Ола надавала поручений, и лира Ава их оспаривать не стала. Кухню следовало привести в порядок, чтобы можно было жарить мясо, готовить кашу, овощи. Хлеб хоть печь не придется, его привезут из замка.

Мрачный полуподвал, много пыли и паутины, свисающей ключьями с тяжелой деревянной мебели – эта кухня нуждалась в уборке и еще раз в уборке. Все необходимое вроде имелось, но требовало чистки. Я нашла у плиты ящик, полный мелкого песка, а щелок поспеет уже к вечеру, главное – нажечь зола. Ола велела отыскать вертела для мяса, где-то они должны были храниться. Это понятно, в нашем мире мужики тоже всему предпочли бы шашлык, особенно из зверя, которого добыли сами. Вертела с ходу не нашлись, но ведь еще не вечер!

Печей оказалось две: большой открытый очаг вроде огромного камина с подставками для вертелов, в который целиком поместился бы бычок, и еще печь с большой духовкой, подходящая для варки и выпечки. Ничего нового, в замковой кухне всё было примерно такое же, только здесь размеры скромнее. Что ж, за дело?..

Я вдохнула поглубже, выдернула из-под лавки два ведра и отправилось за водой: сначала следовало хоть начерно смыть грязь, потом сварить суп и кашу на обед, после чего уже детально заняться наведением блеска.

Лира Ава выделила мне в помощь тоненькую и шустрюю Вилду, совсем молоденькую, но в платке, то есть уже замужнюю. И вот ведь дела, это юное создание решило, что должно мной командовать. Очень скоро я разозлилась, показала девочке пальцем на дверь и перестала

обращать на нее внимание. Вилда фыркнула и гордо удалилась, но вскоре вернулась обратно, и все стало более или менее, пока...

Я чистила песком большую медную миску, когда...

Дин. Он стоял в дверях.

– О, ты приехал! – Вилда отшвырнула в сторону тряпку и подбежала, повисла у него на шее.

Он осторожно, но решительно отстранил ее, легонько щелкнул по носу:

– Привет, малышка.

Ну надо же, как тут ему радуются!

Вообще, увидев его, я глазам своим не поверила. Давно не виделись!

– Здравствуй, Камита, – мне он кивнул издали. – Я привез тебе одеяло и еще кое-что, Ола прислала. Что, не рада мне?

Я улыбнулась, получилось криво. И вообще, я была перемазанная, лохматая, с красными стертыми руками – вид еще тот. И кто мне мешал хотя бы косу переплести? Хотя какое ему дело до моей косы, если на то пошло!

– Не рада, вижу, – Дин улыбался как обычно, чуть насмешливо, но немного грустно.

– Да кто ее спрашивать будет, немую дуру! – заявила Вилда.

Вот нахалка.

– Она не глухая, Вилда, – сказал Дин.

– Да неужто?

– И не дура. Камита, тебе нужны дрова? Нарубить?

Я кивнула. И впрямь, пусть нарубит, делом займется – все лучше, чем тут маячить.

Дин вышел, и вскоре мы слышали стук топора.

– Зачем ты его отослала? – прошипела Вилда, – тебе жалко, что ли, что он ко мне приехал? Твое тут дело какое? Сама хочешь, что ли? Так живо бусы сорву! Толку тебе в них, вот уже сколько бусин накопила, смех просто! Как будто тебя замуж возьмут, если до сих пор не взяли! А мне скоро опять замуж, так что не мешала бы, только напоследок и осталось, а то... ты меня не знаешь...

Я смотрела на нее, и, как говорится, «не догоняла». Замуж скоро, ей? Опять? Она же замужем, иначе почему в платке?

Ей гульнуть напоследок хочется? С Дином? И надо полагать, напоследок, но не впервые, раз он к ней якобы приехал?..

Я отвернулась, желание приводить себя в порядок и переплестать волосы пропало начисто. Было бы зачем!

– Если вздумаешь мне мешать, смотри у меня, – продолжала долдонить девчонка в платке, – и вообще, иди отсюда, а мы тут... я тут и сама управлюсь, поняла?

Ага, сейчас, разбежалась. Интересно, если бы я не была немой и дурой, стала бы она так нахальничать? Неужто родня одобряет «гульбу напоследок»?

Злость меня взяла, желание пинком выкинуть эту кумушку за дверь окрепло необычайно. А что, пожалуй...

Я нагнулась, подняла ведро – а водичка в нем колодезная была, холодная, – и кивком показала Вилде на дверь. Девчонка только хмыкнула. Тогда я плеснула водой ей под ноги – она взвизгнула и отскочила. Да что за непонятливая? Я опять плеснула водой, на этот раз попала на башмаки, и Вилда с визгом умчалась из кухни, уже в дверях выпалив что-то про мои бусы и выдернутые космы.

Ну вот, одни слова. Брала бы сейчас и выдирала, если смогла бы, конечно!

Интересно, нажалуется она на меня? А что расскажет? Наверняка свою версию, на правду непохожую. И Дин тут ни при чем, я просто выгнала ее с моей кухни. Пускай крутят свои пашни в другом месте!

Дин вскоре пришел, с вязанкой дров, которые не спеша сложил у печки, и присел к столу напротив меня.

– Чего буянишь? – он насмешливо улыбался. – Вилда лире пожаловалась, что ты взбесилась, приступ у тебя, дескать, боится она с тобой тут быть. Та немного удивилась, но велела стражникам тебя утихомирить и в чулане закрыть, если надо. Надо?

Да он развлекается, гад такой! Вон, в глазах черти скачут. Я швырнула в Дина тряпкой. Не попала, ему даже уклоняться не пришлось.

– Я сказал ребятам, что сам с тобой разберусь, – пояснил, – они сели в кости сыграть, пусть отдохнут. Но если я буду громко кричать, они прибегут.

Я прыснула. Действительно, смешно – дюжие стражники вломятся сюда спасать большого сильного Дина от меня.

Плохо, что я совсем не знала тех, с кем приехала сюда, а они, естественно, не знали меня. И лиру Аву я всего пару раз видела издали, и служанок, а Вилду эту вообще сегодня впервые встретила. И как же мне что-либо им объяснить и доказать, будучи немой, да еще и дурой...

Скажи кому в замке на кухне, что я взбесилась, вряд ли поверят. Хотя... Бывает ведь так, что больной долго ведет себя тише воды, а потом – раз, и приступ, и все видят совсем другого человека. Я, племянница врача-психиатра, каких только историй не наслушалась. Так что это недоверие в чём-то оправдано, но мне не легче. Меня можно как угодно исподтишка оскорблять, любую напраслину возвести, а если начну хоть немного защищаться – заявить, то сумасшедшая взбесилась.

– Не пойму что-то, чем тебя Вилда разозлила? – продолжал забавляться Дин. – Вроде хорошая она девочка, милая, покладистая.

Ага, дорогой, оно и видно, что она с тобой покладистая, а уж какая милая!

– Или, послушай, боюсь и подумать, но неужто ты ревнуешь, а? – он улыбнулся, как довольный кот. – Поэтому такая злая?

Ага, сейчас. Ревную. Размечтался.

Я постаралась придать взгляду зверское выражение, посмотрела на Дина и медленно, четко покачала головой.

– Понял, – он вздохнул, – ты точно злая. Могла бы от доброго сердца соврать, а мне было бы приятно.

Я не поверила. Придуривается, ясно же.

Набрав на тряпку песка, я принялась яростно тереть бок следующей кастрюли с длинной ручкой. Да что за засада? Как же надоело! Вот вернусь домой, буду с трепетной любовью относиться к кухонным губкам и порошкам для чистки. Отсутствие этих простых вещей может начисто отравить жизнь! Как только представишь, что придется годами надраивать песком медные кастрюли – ужас, ужас...

Дин минут пять задумчиво наблюдал за моими руками, после чего поинтересовался:

– Тебе помочь чем?

Я пожала плечами и показала на кучу нечищенной посуды. Он кивнул.

– Ага, но давай я лучше ножи наточу? Наверняка все тупые.

Я с готовностью закивала. Да, кухонные ножи, найденные мной тут в запертом ящике, оказались тщательно завернутыми в промасленные тряпки, но действительно тупыми, я с трудом справилась с овощами для супа.

Дин вытащил из-за голенища сапога плоский точильный камень, устроился поудобнее на низкой скамейке и принялся за дело. В кухню сунулась Вилда, открыла было рот, желая что-то сказать, но передумала и убежала. Я вздохнула с облегчением: чем смотреть на ее ужимки, лучше буду справляться самостоятельно.

А может, мне просто хотелось остаться с Дином? С ним было как-то спокойно. И с ним единственным я была знакома лучше всех, во всяком случае, он знал, что я пока ни на кого не кидалась и меня не требовалось запира́ть в чулане. И еще я с ним целовалась... пусть несерьёзно, в шутку. Точнее, в благодарность. Он сам так захотел, не ждал же он, в самом деле, то я стану с ним целоваться всерьёз? На его прямое предложение руки и сердца – впрочем, не знаю, какой комплект мне на самом деле предлагался, – я ответила отказом. Но...

Да чего там, мне приятно было находиться с ним рядом.

Почему-то Вилда считала свое положение выше моего. Но мне это было совершенно не очевидно. Кто она в замке, я понятия не имела. Может, ее вообще временно наняли в деревне, Ола говорила, что в замке перед свадьбой не хватает работниц, и экономка нанимает временных. То есть, она не в рабстве, как я – или как еще называется мое положение. Возможно, у нее влиятельная семья, а она просто отправилась заработать себе «на булавки» – но это я уже фантазирую, конечно. И совершенно точно она замужем, а я нет, тут это здорово влияет на отношение окружающих. На ее взгляд, у нее есть основания задирать нос. А на мой... Не дождутся.

Вдруг вспомнилось, что Вилда не носит бус, никаких. Женский платок, серьги в ушах, браслеты, но нет бус – она вдова? И вновь собирается замуж? Да, это объяснение.

Дин смотрел на меня. Наблюдал искоса, а я не сразу заметила. Взгляд такой внимательный, изучающий. И – теплый. Он не уйдет. Ему тоже хорошо со мной.

Я тронула рукой свои бусы и показала на вход, и сделала вопросительный жест пальцами. Тут же спохватилась, что Дин не поймет, ведь Вилда, о которой был вопрос, мелькала тут уже давно, сложно уловить связь. Но он понял, хотя немного не так.

– Спрашиваешь, как давно Вилда вдова? Около двух лет. В шестнадцать ее выдали замуж, к семнадцати она уже овдовела. Ее муж упал в прорубь, застудился и не выжил. Ты об этом спросила?

Я благодарно кивнула. Имелось в виду, что означает отсутствие ожерелья, ответ Дина объяснил это и чуть больше. Значит, вдовы действительно их не носят. Вилда, бедняжка, и года не побыла замужем, сейчас ей нет и двадцати.

– Родня о ней заботится, жениха подыскала, – пояснил Дин с улыбкой. – Хороший человек, степенный, богатый. Правда, не слишком молодой уже.

Ну вот, еще одну девчонку отдают за взрослого дядьку. То есть, вдова – человек не очень свободный, родня может вынудить выйти замуж. А вот Нилла кажется вольной пташкой, и насчет ухажера своего, того, что бусы прислал, сама решает, выходить за него или не выходить. Выходит, у всех все по-разному, как сложится.

Заодно вспомнились бусы Ниллы в шкатулке у Даны – еще одна загадка. Что бы это могло значить? Может, бусы для ленны прислали, а не для Ниллы? Есть же у ленны какой-то возлюбленный, за которого ее не отдают, мне о нем Нилла и говорила. Вот он через Ниллу подарок для любимой и прислал, на память?

Но стоп... Дин только что рассказал мне о событиях почти трехлетней давности. Он, значит, это помнил. Нилла говорила, что его память раньше хранила лишь год, теперь – почти три, то есть его состояние улучшилось. Значит, замужество Вилды и смерть ее мужа где-то на дальнем пределе его памяти. А то, что он умеет читать, писать, пользоваться ложкой и множеством других вещей? Может, дело в том, что он это делает постоянно, то есть читает, пишет, пользуется ложкой. Но если лишить его книг и бумаги с чернилами, через три года он забудет грамоту? Отобрать ложки – забудет, что это такое? Да, как-то всё с ним... интересно. И то, что теперь он стал помнить больше – хорошо, положительная динамика, так сказать. Может, со временем он совсем поправится? Попаду домой – непременно расспрошу дядю Гошу, знает ли он такие случаи...

– Что, Камита? – окликнул Дин, заметив, что я задумалась, – спрашивай все, что хочешь.

Ох, Дин, сокровище мое, тебя мне послало доброе здешнее Провидение, не иначе. Буду спрашивать, буду, как только соображу, как знаками очередной свой вопрос изобразить. И если все же научусь за эти дни буквы складывать. Ты только не бросай меня тут, на это короткое время до отъезда в Андер, пожалуйста, не бросай. Я чувствую, что могу тебе доверять, вот чувствую, и все. Ты меня подведешь только не по своей воле, специально – никогда. Давай будем друзьями, пожалуйста, Дин...

Я не думала о том, что запросто могу и не попасть в Андер. Не могла об этом думать.

Вчера с помощью Дина я исписала три листа бумаги и выучила добрую треть здешнего алфавита. Если бы можно было одновременно делать пометки моими родными буквами, мне было бы проще, а так приходилось только полагаться на память. Писать при Дине по-русски я не решилась, чтобы не вызывать вопросов. Ничего, все равно научусь писать, причем быстро, мне ведь придется как-то объясняться и в Андере, особенно с волшебником. А дома...

Интересно, дома, где нет этой проклятой магической энергии, я стану снова разговаривать?

Вчера мы засиделись допоздна, пока Дин почти силой не забрал у меня перо.

– Довольно, Камита. Завтра тоже будет день. Продолжим завтра?

Я сразу кивнула, потому совсем забыла, что предстоит уехать из замка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.